

НОВЫЙ ФАНТАСТИЧЕСКИЙ БОЕВИК

Андрей КРУЗ
Мария КРУЗ

АР-ДЕКО
СВОЯ ИГРА

Annotation

Если после налета на Каирский бриллиантовый аукцион я решил порвать с прошлым, это совсем не означает, что прошлое безропотно про меня забыло. Поэтому теперь, год спустя, мне, вполне успешному и совершенно легальному бизнесмену, снова придется оглядываться по сторонам и не забывать про «сэведж» в наплечной кобуре. Но я так жить не хочу. У меня большие планы на светлое будущее, которому темное прошлое мешает. Следовательно, остается только одно – сделать так, чтобы про это самое прошлое напоминать мне стало некому. Или, как вариант, устроить кое-кому Очень Большие Неприятности, чтобы очень надолго, а желательно навсегда, им стало не до меня...

Андрей Круз

Ар-Деко. Своя игра

Серия «Новый фантастический боевик»

© Круз А., Круз М., 2017

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

* * *

– Обратите внимание, что «Плимут» всегда, все семь лет, выпускал полностью стальные машины. – Я постучал рукой по гулкой бежевой крыше автомобиля. – Если для «Шеви» впервые создали цельностальной кузов в этом году, то «Плимут» это сделал давно!

Упитанный краснощекий джентльмен в панаме и мятом костюме с уважением посмотрел на крышу. Стоящая рядом такая же упитанная дама в ярком платье и шляпке, заколотой фигурной позолоченной булавкой, еле заметно вздохнула.

– Сталь легче, прочней, а новая рама еще и жестче, то есть вам нужно меньше опасаться за свою безопасность на дороге, мэм. – Я обратился уже к даме, почувствовав, что она начинает скучать. – И новая рама дала возможность сделать салон шире. Это самый широкий автомобиль в своем классе!

Вообще-то самый широкий «терраплан», но он все же дороже. Так что не будем об этом, за эти деньги – самый.

– Смотрите. – Я распахнул водительскую дверь, открыв доступ в кремовое нутро салона. – На передний диван легко сядут трое. Обивка сидений совершенно нескользящая. – Я похлопал по подушке.

– Наш сын жалуется, что когда он в коротких штанишках, у него чешутся ноги после поездки, – чуть поджала губы дама.

– Да, у всего есть свои недостатки, но это сделано для того, чтобы ребенок не мог случайно соскользнуть с сиденья при резком маневре, мэм, – сказал я, обращаясь при этом к мужу. Тот солидно кивнул. – Вентиляция! Где мы живем? В Новом Каире, где жара круглый год. Смотрите. – Я решительно проскользнул за руль и открыл ветровое стекло. – Все как обычно, верно? Но это на первый взгляд. – Закрутив ручку, я быстро его опустил. – Видите? Только в этой модели боковое стекло уходит в дверь вместе с рамкой. Раз – и окно как в дорогом купе! И вот еще, – я откинул рукоятку на панели, – лобовое поднимается как и у всех, но если потянуть вот этот рычажок, – я немедленно его потянул, – то впереди поднимается воздухозаборник и в салон попадает еще больше свежего воздуха. А теперь сзади!

Я выскочил с водительского места и перебрался на заднее сиденье, сопровождаемый заинтересованными взглядами.

– Я не говорю о том, что такого пространства для ног вы не найдете ни в одном автомобиле за такие деньги. – Я демонстративно вытянул ноги. – Удобные подлокотники, крючки для сумок. И, смотрите, даже это маленькое заднее окно открывается. Раскройте все, и вы будете чувствовать себя в семейном авто как в кабриолете. И при этом над головой у вас будет самая прочная и безопасная крыша в своем классе! – Я постучал по обитому плюшем потолку. – Кстати, здесь две лампы для чтения! И обратите внимание на ручки, они теперь загнуты внутрь. Вам никогда не приходилось рвать одежду, выбираясь из машины? Больше этого не произойдет.

Жена фыркнула, муж чуть покраснел. Но затем спросил:

– А как она ездит?

– Скоро увидите сами. – Я расплылся в улыбке. – Добавлю лишь несколько слов: идеальное управление. Новая рулевая система, таких еще не было. Амортизаторы на всех четырех колесах, они пришли сюда прямо из авиации. Гасят все колебания. Это уже не

машина, это почти самолет. Вы можете ехать по любому проселку и чувствовать себя словно в домашнем кресле, стоящем на полу. Да, центр тяжести у новой модели прямо посередине, а ход задних рессор такой же, как и у передних.

– Что это дает?

– Плавность, сэр, плавность! Раньше зад у машины подскакивал сильнее, а теперь тряска исчезла вообще. А когда в салоне сидели люди, передние колеса слишком разгружались и это сказывалось на управляемости.

– Мне нравится дерево вон в той машине. – Жена показала на стоящий рядом серый кабриолет с откинутым верхом. – На окнах.

– Комплектация «делюкс», мэм! Всего двенадцать фунтов сверху, и вы получаете полный пакет!

– Майкл! – Она с требовательным видом повернулась к мужу.

– Мне надо подумать, сладкая, – вздохнул тот.

– Простите, чем вы зарабатываете на жизнь? – повернулся я к нему.

– Я продаю мужские сорочки оптом, – он ловко выудил из внутреннего кармана пиджака визитку и протянул мне. – От «Сирса», сэр!

– Хорошая машина продает товар лучше, поверьте мне. – Я принял карточку так, словно она сделана из золота. – Не мне вас учить, сэр, вы и сами знаете, что люди предпочитают вести дела с преуспевающими сэйлсменами.

– Поэтому мне и нужна новая машина.

– Майкл! – жена подергала его за рукав. – Двенадцать фунтов не так много, это всего шестьдесят долларов.

– Бетти, давай позже. – Он все же оказал попытку сопротивления.

– Мэм, давайте сначала оценим сам автомобиль, а выбрать его версию вы сможете в любой момент, у нас на стоянке есть все, – предложил я. – Сэр, вернусь к технической части. Самая длинная база в классе. Багажник! Мэм, вас это тоже наверняка заинтересует. – Я обошел машину сзади и повернул ручку, открыв доступ в багажное отделение. – Только у «Плимута» такой объем. Вы даже не поверите, сколько всего вы сможете сюда загрузить, не загромождая салон. – Не стану уточнять, что однажды у нас в багажник именно «Плимута» прекрасно влез труп одного немца. – Семейный выезд на пляжи Александрии, вы и ваш мальчик...

– У нас двое, еще и девочка, – заулыбалась Бетти.

– Прекрасно. – Черт, она еще и заигрывает со мной. – Вы вдвоем на переднем сиденье, дети играют сзади, багаж там, где ему и положено быть. И видите эту полку? Запасное колесо и инструменты снизу, вам не придется ничего выгружать, даже если спустит колесо.

– А что под капотом? – Муж перевел разговор на «мужскую» тему.

– Здесь экономичный двигатель, шестьдесят пять сил, но вы сможете проехать двадцать шесть миль на одном галлоне. Прекрасный показатель, лучший в классе.

– А какие есть еще?

– В комплектации «делюкс» восемьдесят две лошадиные силы, сэр. Двадцать одна миля на галлон, но вы получаете самый настоящий самолет.

– Майкл, и там лучше салон. – Бетти дернула мужа за рукав.

– М-м-м... – Ее благоверный задумался.

Я решил помочь, поэтому сказал:

– Может быть, есть смысл проехаться сразу на модели «делюкс»? На этой вы не сможете

оценить мощность автомобиля, а это действительно крутые колеса, сэр. Кстати, о колесах – обратите внимание на толщину дисков. Вам будет очень сложно их помять. И двойной контур гидравлических тормозов.

– А что это?

– Машина останавливается плавно, как пароход, никаких рывков. Колодки прижимаются к барабанам с одинаковым давлением. Вы обязательно оцените.

– А на чем ездите вы? – требовательно спросила Бетти.

– Разумеется, на «Плимуте», мэм! – Я даже изобразил некий намек на некую оскорбленность. – Торговать этими машинами и ездить на чем-то другом... поверьте, этого я не сделаю. – Ну да, не сделаю, потому что езда на автомобиле от «Крайслера» записана у меня в дилерском контракте. Правда, на «Плимуте» ездит Сюзет, а я катаюсь на «Додже». Но это тоже о'кей, условиям соответствует. – Какую из машин вы бы хотели попробовать? – Я обвел рукой стоянку под навесом. – Купе – для семьи не самая подходящая, а вот четырехдверные и двухдверные седаны у нас одинаково популярны.

– Вот эту! – пухлый палец Бетти с красным лакированным ногтем ткнул в белую двухдверку.

Да, как всегда, муж выбирает мотор, а жена выбирает цвет.

– Сейчас принесу ключи, – расплылся я в улыбке. – И дальше нас ждет незабываемая поездка. Кстати, вы нуждаетесь в финансировании? «Уэллс Фарго» предлагает на два года под три процента, а «Первый Каирский» на три, но под пять процентов.

Мы проехали на машине по Либерти-авеню, разделявшей город на американский и французский сектора, до самого центра и обратно. Сначала вел я, расписывая достоинства машины, затем вел Майкл, немного озадачив меня по ходу дела: зачем ему мотор помощней, если он едет медленно и аккуратно? Но задавать вопрос я не стал. Как бы то ни было, после поездки рубашечный торговец подписал лизинг, кредитный договор и все остальные бумаги, и пара уехала на новой машине, довольная до предела. А я снял пиджак, откинулся в кресле, закинул ноги на стол и глянул на часы – еще четверть часа, и мы закрываемся.

День получился на удивление неплохой, продажи были. «Плимуты» и даже один «Крайслер». С тех пор как компания изменила облик своего «эрфлоу», популярность их резко подскочила, несмотря на цену. А вообще все неплохо продается, Великая депрессия закончилась, люди бросились тратить деньги, что очень радует, потому что мы с Ианом вложили в это дело чуть ли не все деньги, что у нас были, да еще и кредит взяли. Непривычное для меня чувство того, что ты кому-то должен. До того, как я решил стать законопослушным гражданином, оно не было мне знакомо. Но своих на все не хватило, надо было и здания арендовать, и для гаража все купить, и главное – сами автомобили денег стоят. Я бы лучше торговал «Плимутами» и «Доджами», благо все машины на одном заводе сделаны, но компания «Крайслер» делит все свои марки попарно. Или ты продаешь «Плимуты» и «Крайслеры», или «Доджи» и «Де сото». «Плимут», как самый дешевый, продается лучше всего. И совершенно замечательно покупаются пикапы, бизнес в городе тоже почувствовал ветер перемен.

Так, чеки... завтра с утра их отвезти в банк и обналечить. И завтра же придется платить по счетам, но это именно завтра, сегодня я устал. Кроме меня тут еще три сэйлсмена работают, и все. И секретарша, вон она на машинке стучит за перегородкой, готовит письма, которые я должен буду подписать.

Не скучно? Нет. Сюзет счастлива, а я даже пистолет днем теперь убираю в ящик стола. И Иан больше не занимается краденными машинами, а его гараж теперь обслуживает то, что продаем мы. Ну или другие машины «Крайслера». Здесь не занимается, по крайней мере, потому что «Гараж Хупера» никуда не делся, продавать его он не стал.

И Сингера я уже давно не видел – нет необходимости. И даже он мне сам никогда не звонит «по делу», потому что я больше не нуждаюсь в наводках на удачно стоящие сейфы. Только social calls. Я сдержал свое слово и больше в криминал ни ногой. Ну, почти, потому что те самые облигации китайского займа все равно нужно продать. И вот тогда уже точно все.

Ладно, мне нужен кофе. Больше всего страдаю от того, что не могу уже в любой момент забежать в кафе и выпить чашечку. Хорошо, что Сюзет подсказала, и я купил на работу электрический «мокка-пот», эдакий высокий шестигранный кофейник из двух частей. Так что я вышел в офис из своей выгородки, снял верхнюю часть с аппарата, после чего осталось насыпать в него заранее молотого кофе из мельницы и включить в розетку. Вскоре вода в нем забурлила, а по офису расплылся запах мокки.

– Босс, потом не уснешь, – сказал Дэн, упитанный молодой парень в костюме песочного цвета, листавший каталог «Понтиака». Сейчас он, как и я, стащил пиджак, повесив его на спинку стула, и закатал рукава.

– За меня не беспокойся, кофе мне нужен, как машине бензин. – Я наполнил чашку, выставив ее на блюде, и направился обратно к себе.

– Босс, нам нужно заказать «бизнес-купе», они хорошо идут, а так на стоянке всего два «делюкса».

– Я помню, завтра дадим телеграмму.

Купе – самая дешевая машина из всех в модельном ряду. И их действительно берут хорошо. Мы больше рассчитывали на женщин, но оказалось, что они нравятся тем же коммивояжерам. У купе очень большой багажник. Удобно и для продаж, и для путешествий.

Дэн продает блестяще, я даже подумываю его поставить главным. Он обаятелен с дамами, убедителен с мужчинами, а болтает так гладко, что мне хочется предложить ему еще и поработать проповедником.

Еще нам повезло с местом. Либерти-авеню, как я уже сказал, делит между собой французский и американский сектора. Это широкая улица, полная разных «бизнесов». Ближе к реке она превращается в скопление складов, в середине принимает автоторговцев, мебельную торговлю и многое другое, а когда добирается до центра, то заполняется самыми популярными магазинами. То есть людям удобно проехать по ней, никуда не сворачивая, и купить все, что им нужно. Включая автомобиль.

Но и это не все. Мы начали рекламировать наши машины еще и во французском и британском секторах. Просто взяли ту рекламу, что присылает нам «Крайслер», перевели на французский и начали давать объявления в местных газетах и на радио. Пока так никто не делал, все дилеры держались в рамках своих секторов. «Рено» и «Пежо» торговали во французском, американские машины – в американском, а британские – в британском. Оказалось, что это ошибка. Американские машины – большие, мощные и недорогие, если говорить не про «Кадиллак» или «Паккард», так что брать их начали с удовольствием. Я даже нанял еще сэйлсменов: француза Ксавье и британца Пола, которые больше работают с клиентами из своих секторов. И такая стратегия оправдалась на все сто, в этом году мы сразу же показали самый высокий рост из всех дилеров зоны Большого Каира. И сейчас близки к

тому, чтобы остаться без запасов. Надо заказывать не только купе, грузовички у нас тоже заканчиваются.

Я вернулся к себе в офис, снова плюхнулся в кресло и с наслаждением отпил кофе. Пусть и не тот, что можно получить в хорошем кафе, но все же куда лучше, чем в тех американских дайнерах, что есть тут в округе. Прекрасный эфиопский кофе.

Так, и еще мне нужно переодеться. Я взял с вешалки парусиновый портплед, развернул на столе и критически оглядел костюм, не помялся ли? Нет, вроде бы все нормально. Прекрасный вечерний костюм цвета «полуночный синий», пошитый в Неаполе в «Английском доме» Дженера Рубиначчи. Вообще я его «для дела» заказывал, одного из тех, от которых уже отошел, но дела закончены, а костюмы остались. И вот сегодня он пригодится. Закрыв жалюзи на стеклянной двери и быстро начал переодеваться.

Едва успел закончить, как из общего офиса донеслись голоса. Приоткрыл жалюзи и сквозь окошко в двери увидел, как в магазин вошли двое. Оба невысокие, коренастые, в вызывающе дорогих костюмах и соломенных панамах, скроенных на манер «федор». Гангстеры, однозначно.

Я выдвинул ящик стола, вытащил из него кобуру с «сэведжем», накиннул на плечи и тут же надел пиджак. Пусть меня никто и не беспокоил в последний год, но все же... некий неприятный хвост все же тянется из прошлого. Может тянуться, если точнее.

– Чем могу помочь, джентльмены? – спросил я, выходя из офиса.

Да, мобстеры, однозначно, не перепутаешь. Один похож на итальянца, что совсем нехорошо, второй – блондин, голубоглазый, с крупной круглой головой. Нос сломан. Но заговорил он вежливо.

– Видели вашу рекламу, сэр, – голубоглазый протянул мне руку. – Болтают, что «Плимут» – быстрые колеса.

Тут явный ирландский акцент в чистейшем его виде, не спутаешь.

– Быстрые, никакой ошибки. – Я расплылся в улыбке, ответив самым дружественным из доступных мне рукопожатий. – Какой тип машины интересует?

– Вроде во-он той, – он показал на зеленоватый флэтбэк-седан, стоящий за окном.

– Отличный выбор, – одобрил я, – линия «делюкс», больше двухсот кубических дюймов объема и восемьдесят две лошадиные силы. На самом деле быстрые колеса, можно сбежать от кого угодно и догнать кого угодно. И всего сто двадцать четыре фунта.

Это не боссы, это рядовые бойцы. Только, интересно, из какого «аутфита»? Тут их много разных, и не со всеми мне даже встречаться следует.

– Мы раньше не встречались? – вдруг спросил смуглый.

Акцент американский, чистый, скорей даже бруклинский говор. Может быть человеком Антенуччи, но это крайне сомнительно, он бы тогда в компании ирландца не пришел, разве что привез того в катафалке и попросил закопать. Или наоборот, тот бы его прикатил. Тогда... тогда они, скорей всего, из «новых ребят», тех самых, о которых тогда говорил Сингер. Тогда ладно, у меня с ними проблем никогда не было.

– Н-нет, не думаю, – покачал я головой, присмотревшись к нему. – Не встречались.

– Значит, обознался, – равнодушно кивнул тот.

Нет, действительно не встречались. Если только совсем случайно. Настолько случайно, что он не сможет связать меня нынешнего и меня годовалой давности. И это не боссы, босс покупал бы «Крайслер» или пошел к другому дилеру за «Паккардом», что вероятней.

– Дэн, займись джентльменами, пожалуйста.

Хоть мы уже почти и закрылись, но Дэна это не остановит. Он уже видит и чувствует свои комиссионные и копытом землю роет. Тем более что он сейчас единственный сэйлсмен в офисе. Ксавье взял сегодня выходной, а Пол поехал отправлять телеграммы с заказами, поэтому ушел раньше.

– Я вас оставлю. – Я кинул взгляд на часы. – Джентльмены, вы в самых надежных руках, Дэн знает про эту машину все. Удачи.

В этот момент из своего закутка вышла Мэри, секретарша, на ходу поправляя шляпку. Ирландец присвистнул, но тут же оба бандита спохватились и синхронно сняли шляпы. Мэри девушка яркая, как раз в их стиле, сюда переехала из Нью-Йорка, так что для них еще и как столичная штучка выглядит. Плюс у Мэри формы, причем такие, что люди несколько раз интересовались у меня причинами, по которым я ее нанял. Когда она идет, кажется, что под легким платьем каждая округлость живет своей личной, собственной жизнью.

Все эти грязные предположения – совершенная неправда, Мэри печатает триста знаков в минуту без единой ошибки и никогда ничего не забывает. Ей бы еще избавиться от привычки жевать резинку во время телефонного разговора, и цены ей бы тогда не было.

Возле ворот стоянки я встретил сторожа, который уже приехал на работу. Будет приглядывать и за машинами, и за гаражом.

– Добрый вечер, сэр, – поздоровался он первым.

– Рад видеть, Мэт. – Я протянул ему руку.

Мэт из Бирмингема, ему под пятьдесят, он прихрамывает – следствие ранения, полученного еще под Верденом. Его привел на работу Иан, они знакомы и дружат еще с войны. Иан же намекнул, что Мэт, случись надобность, может и другую помощь оказать, но надобности у нас пока не возникало. Но платили мы ему на всякий случай прилично, верный человек поблизости никогда не помешает. Одинок, дежурить в «дилершипе» ему даже нравится – он читает газеты, слушает радио и всю ночь напропалую пьет чай. Несколько месяцев назад он прихватил пару воришек, пытавшихся украсть запчасть, и, угрожая дробовиком, перепугал их до полной невозможности, продержав носом вниз на земле до самого утра, пока Иан не приехал. С тех пор к нам даже лезть никто не пытался.

Еще Мэт подкармливает местных кошек, и сейчас сразу несколько собралось в дальнем конце стоянки, подъедая корм с расстеленной бумаги. Никто не возражает, а я так еще и подкидываю ему по несколько шиллингов в виде своего взноса в благородное дело.

Мой «Додж» стоял у самого выезда. Двухдверный «транкбак-седан»^[1] цвета яичной скорлупы и тоже, разумеется, «делюкс». Купил с дилерской скидкой у «Марлоу Карз», что расположились через квартал от нас на этой же улице. Вот они как раз торгуют «Доджами» и «Де сото». В порядке ответной дружеской услуги мы продали дешево «Плимут» для дочери Билла Марлоу.

Да, а с моим любимым «Фордом» пришлось расстаться. Ему уже три года, и хотя Сюзет он по-прежнему нравился, я уговорил сменить его на машину из тех, что мы торгуем. А «Форд» достался Джимми, помощнику Сингера.

На улице быстро темнело, вывеска «Либерти Ауто» переливалась множеством лампочек, освещая подъезд. Впрочем, две уже перегорели, надо завтра заменить, никуда не годится. Мимо меня проехала машина с Дэном и обоими гангстерами внутри – поехали на пробную поездку. Эти, скорей всего, купят, финансирование им не требуется. Заплатят наличными, разумеется.

Все, мой день на сегодня закончен. Я отпер машину, плюхнулся на широкое мягкое

сиденье, завел солидно заворчавший двигатель. Дал ему немного прогреться и выехал в ворота, которые Мэт так и держал пока открытыми. Он в любом случае дождетя, пока Дэн не вернется.

По Либерти-авеню я поехал в аптаун, где в это время только начинал биться пульс гигантского города. Чем ближе к центру, тем больше машин на дороге, город полон туристов, приезжих и тех, у кого много свободного времени. Именно они сейчас заполняют рестораны, клубы, кабаре, уличные кафе на верандах, театры и все прочее, что может предложить им Новый Каир, столица мира. Рауль даже предлагал мне вложить деньги в клуб, но я побоялся – слишком незнакомый для меня бизнес. Или сам его провалю, или обворуют управляющие, так что пошел в автоторговцы.

Но сейчас мне именно в кабаре. В «Ла Люн дю Дезерт», то есть «Луну Пустыни» – новое и очень популярное место на площади Согласия, как раз на границе аптауна и самой богатой и пышной части французского сектора. Сюжет закончила школу танцев Тома Харли, великого танцовщика, и теперь Сол Лейферман устроил ей там ангажемент на роль второго плана. Еще не звезда, но уже и не девочка из кордебалета. И сегодня у нее первый выход на сцену, так что я обязан там быть. И буду не один, за Сюжет не только я болею.

Стоянка перед «Луной Пустыни» была почти заполнена, но место все же нашлось. Я воткнул свой «Додж» между серым «Паккардом» и белым «Аустро-Даймлером» с откидным верхом, где он сразу потерялся. Ну, ничего, наш бизнес на пути к процветанию, так что дальше... ну, хотя бы на «Крайслер» пересяду, когда вернем долги банку.

Похоже, что сегодня в кабаре аншлаг, за красными канатами у входа настоящая очередь. Желтые кебы с шашечками на бортах подъезжают один за другим, высаживая компании модно одетых людей у самого входа. Швейцары в белых куфиях, изображающие из себя бедуинских шейхов, проверяют билеты и пропускают людей внутрь.

Билет у меня есть, так что прошел быстро, оказавшись в просторном холле, отделанном в стиле ар-деко, и оттуда попал в зал.

– Сэр? – ко мне подошел метрдотель. – Могу вас проводить к месту?

– Да, у нас зарезервирована ложа, на имя Сол Лейферман.

– Минуточку, – метрдотель быстро перелистнул страницу журнала в сафьяновой обложке, лежащего на высокой стойке в форме вавилонской колонны. – Да, вижу, пойдете.

Он провел меня через просторный полукруглый зал, окружающий сцену, подвел к ложе, распахнул синие занавеси.

– Прошу вас, – он сразу выложил меню. – Что-нибудь из напитков?

– Джи-энд-Ти, пожалуйста, по-испански.

– Ужин закажете позднее?

– Да, подожду остальных.

Я первым пришел, пока никого нет, хотя собирается целая компания. Метрдотель удалился, а я, поднявшись на ступеньку, вошел в ложу, представлявшую собой длинный диван, обитый синим плюшем, огибавший большой овальный стол. Потом подадут шампанское, как и подобает, но пока посижу с аперитивом.

Людей в зале все больше и больше, компания человек из восьми, исключительно из немолодых джентльменов и молодых дам полусветного типа, заняла соседнюю ложу. Где-то настраивается оркестр, суетятся официанты, разносящие пока больше напитки.

Никогда здесь не был, место новое, но уже популярное. Насколько американский и

французский сектора соседствуют в городе, настолько же в этом клубе встретились стили американский и французский. Французский стиль, если точнее, и американский размах. Американцы любят французские кабаре, но все же предпочитают переделывать их на свой лад. Вот и этот клуб принадлежит какому-то клубному воротиле с нью-йоркского Бродвея, и, несмотря на французское название, ходят сюда все больше американцы и британцы.

– А он уже здесь! – к ложе подошел Рауль с дамой, непривычно одетый в вечерний костюм с бабочкой. Волосы на бриолине, вид как у кинозвезды в роли героя-любовника. – Откуда у честного человека деньги на такие места?

– У меня контрамарка, – ответил я лаконично, жестом предлагая присесть рядом.

Дама была невысокой худенькой испанкой с блестящими черными волосами, убранными в аккуратный пучок, и даже с цветком в прическе. Смуглая кожа, ярко-красное шелковое платье – впечатляет. Яркая женщина.

– Мой друг Поль, – представил нас Рауль, – а это Росита.

Подробностей не последовало, так что Росита могла быть кем угодно. Но хотя бы в отсутствии вкуса ее не упрекнешь, пусть в наряде и доминируют андалузские мотивы. Впрочем, в такие места Рауль с женщинами легкого поведения не ходит, так что Росита, скорей всего, его нынешняя постоянная пассия, которая будет с ним проводить время до тех пор, пока неисправимый бабник Рауль не попадет на интрижке с кем-то еще.

Почти сразу за ними подошли еще трое. Сам Сол, творец сегодняшнего чуда, в дорогом токидо, которое явно отчаянно гладили, но ему это не помогло, потому что комплекция Сола не предполагала отсутствия складок, и с толстой сигарой в руке. И Сингер с дамой. Даму я знал, она, как и ее спутник, торговала антиквариатом, но связывало их явно не только это, хоть Сингер отношения не афишировал. Он вообще личную жизнь напоказ не выставлял, как, впрочем, и все остальное. Единственное, что я о ней знал, так это то, что она переехала из Лондона в Британскую Палестину, а оттуда быстро перебралась в зону Большого Каира, открыв «галерею древностей», таких же «аутентичных», как и те, которыми торговал Сингер.

– Большой день? – с ходу спросил явно довольный собой Сол. – Я же говорил, что после классов у Харли девочку ждет большое будущее. Марк! – Он махнул рукой стоявшему наготове метрдотелю. – Пусть тащат шампанское и готовятся носить еду.

Сола тут знали. Впрочем, его знали во всех кабаре, театрах и клубах города, потому что он был главным поставщиком звезд для шоу. Поэтому и наша ложа была лучшей в зале, и я очень сомневаюсь в том, что за ужин вообще придется сегодня платить, хоть я к этому и готов.

Официанты с шампанским буквально сгустились из воздуха через секунду после того, как Сол плюхнулся на диван. На столе возникли серебряные ведра со льдом, метрдотель лично с аккуратным хлопком открыл бутылку «Лоран-Перье», разливая пенящееся вино по широким низким бокалам.

– Всегда рады вас видеть, Сол! – объявил он.

– Попробовали бы быть не рады. – Лейферман усмехнулся. – Но как бы то ни было, мне тут у вас нравится. Итак, первый и главный тост, – он подхватил полный бокал со стола, – мой тост, личный. Не за Сюжет, за нее мы выпьем, когда она будет на сцене. Пол, это за вас. За то, что вы сделали для нее то, что сделали. Без подробностей. Мы в своем дружеском кругу, и все знают все, что нужно знать. Я рад нашему знакомству. Хотя бы потому, что девочка становится отличным клиентом для «Лейфермана и партнеров». Мои первые комиссионные с контракта уже оплатили этот вечер. Ну, если бы я собирался платить.

Салют! – Бокалы зазвенели.

– Все забываю спросить, – усмехнулся Сингер, – а что за «партнеры»?

– Я с ними незнаком. – Сол ухмыльнулся в ответ. – Но работать с партнерами солидной.

А так старина Сол тащит воз в одиночку.

– Не надорвись.

– Я постараюсь.

Свет в зале стал не таким ярким, загорелись огни рампы, синий бархатный занавес медленно пополз в стороны, открывая залу уже выстроившихся девушек кордебалета в блестящих коротких платьях-туниках и крошечных шляпках. Начиналось шоу. Но пока можно ужинать, Сюзет появится, насколько сказал Сол, не раньше четвертого номера. Кордебалет – это уже не ее уровень.

Ко второму номеру в зале появилась опоздавшая компания, занявшая ложу слева от нас. И почти сразу стройная креолка с прилизанными черными короткими волосами бросилась к Солу чуть не с визгом. Он поцеловал ее в щеки, похлопал сначала по ручке, а потом, отправляя обратно, еще и по попке. При этом компания креолки улыбалась Солу в тридцать два зуба.

– Джозефин Бейкер, – пояснил он, когда креолка убежала к своим. – Талантливая танцовщица, могла, да и может танцевать хоть в балете, хоть в бурлеске, но ее карьера в Нью-Йорке никак не складывалась. У нас чопорный народ, джентльмены, и не могут отличать искусство от пошлости. Плюс она мулатка. Мне тогда удалось получить для Джозефин прекрасные ангажементы в Париже, и она стала звездой номер один. И знаете что? Затем она решила петь, и ее буквально рвут на части. Она нарасхват в оперетте и где угодно. Она записывает пластинки и выступает на лучших площадках. А теперь я договариваюсь о ее гастролях здесь. Хотите посетить шоу – обращайтесь.

В какой-то момент я решил, что у Сола сегодня бенефис, настолько он был горд собой. Но все же, когда дело дошло до номера Сюзет, он призвал всех к вниманию, а заодно жестом подозвал официанта, чтобы тот в очередной раз наполнил бокалы.

– Джентльмены, уверен, что все будет прекрасно, – объявил он.

Занавес в очередной раз поднялся, открывая ряд девушек в откровенных нарядах с закрытыми на арабский манер лицами. Оркестр заиграл «Караван» Дюка Эллингтона, новую композицию, ставшую ураганно популярной в последний год. И под соло на кларнете на сцене появилась Сюзет, с открытым лицом, в наряде из переливающегося шелка.

Я так до сих пор ни разу и не видел ее на сцене. К танцевальной школе она меня и на пушечный выстрел не подпускала, к репетициям тоже, так что для меня это было как... да я просто в первый раз увидел свою девушку на сцене во всем ее великолепии. Но именно сейчас понял, что в танце она живет по-настоящему. Гибкая, грациозная, сливающаяся с музыкой... я даже в какой-то момент решил, что вижу ее такой просто потому, что смотрю влюбленными глазами, но огляделся и убедился в том, что взгляды всего кабаре прикованы к ней. И когда номер закончился, она сорвала настоящие, долгие аплодисменты. Даже Джозефин Бейкер аплодировала долго и искренне, а уж она точно разбирается в том, что видит.

– За мисс Валери, – провозгласил тост Сол. – Она этого заслуживает.

Зазвенели бокалы.

У Сюзет был еще один номер в программе, но до него далеко, так что мы занялись ужином, который на нашем столе быстро и аккуратно сервировали сразу три официанта.

Появилось вино, белое и красное, метрдотель в очередной раз пришел убедиться в том, что у нас все хорошо. У Сола хорошо, разумеется. Мы уже так, вроде как с ним.

Перед десертом Сол заговорил о том, о чем и собирался, планируя этот вечер. Я не настолько глуп, чтобы не понимать простую вещь – первое выступление пусть даже хорошей танцовщицы из десятков, а то и сотен его подопечных недостаточно веская причина для того, чтобы собрать всех на банкет. Солу что-то от нас нужно. Поэтому он быстро перетасовал компанию за столом так, что дамы оказались на одном конце дивана, а присутствующие мужчины на другом.

– Джентльмены, у меня есть проблема, – сказал он, обращаясь больше к Сингеру. – Деликатного свойства.

– Сол, если ты с контрактом на кого-то, то это не к нам, – усмехнулся тот.

– Ты сколько меня знаешь? – Сол уставился на него укоризненно. – Это не мой стиль. Я не знаю, что именно нужно сделать, но проблема растет и мешает мне работать.

– Что за проблема? – Сингер взял со стола бокал красного вина и пригубил.

– Есть такой человек, Эйб Монро. Он агент, как и я. Только дерьмовый агент, без особых связей, и его не принимают всерьез. У него офис на Восьмой авеню, в самом конце.

– И какую проблему дерьмовый агент может создать хорошему агенту?

– Этот кусок дерьма продает героин богеме. А в богеме много моих клиентов. И у некоторых начались проблемы. А когда у них возникают проблемы, они почти сразу становятся моими проблемами. Я теряю комиссионные, на меня начинают косо смотреть. Это недопустимо. – Сол откинулся на спинку дивана и поочередно посмотрел на всех нас.

– Сол, это проблема полиции, – осторожно сказал Сингер. – За героин пакуют в банку надолго.

– Тут все сложнее. Монро осторожен – это раз. Его покупатели не хотят его сдавать – это два. Потому что ходить по темным дворам и искать товар на улице им не хочется. А Монро передает его в руки, этот прохвост вхож всюду, он давно примелькался. И если напустить на него копов, то они просто облажаются, дерьма у него на руках не окажется.

– И что ты конкретно хочешь от нас?

– Я хочу, чтобы вы его остановили. Все равно, каким образом, но крови мне не хотелось бы. Придумайте, а я оплачу ваше беспокойство. Подставьте его, сдайте хоть той же полиции, но так, чтобы они его взяли с поличным, что угодно. Пол, он и возле Сюзет рано или поздно появится. – Сол повернулся ко мне. – Знаете Джин Фэй? Она снималась в «Каирском романе».

– Я помню, горячая штучка, – сразу откликнулся Рауль. – И пела здорово.

– Ей больше не дают ролей, она постоянно на этом дерьме. – Сол хлопнул ладонью по столу. – А я вложил в нее кучу денег, и они только начали возвращаться. И берет она точно у Монро, мне уже многие об этом сказали. – Он вздохнул. – И это отражается и на моей репутации. Короче, сколько? Это не мокрая работа, я не хочу, чтобы ею занялись мобстеры. Пусть все останется в нашем кругу, раз мы друг друга знаем. Пусть он остановится.

– Нам надо подумать, – сразу ответил Сингер. – Но я отвечу завтра. Подъезжай ко мне в бар к двенадцати, там и поговорим окончательно. Пол, я бы тебя тоже хотел завтра видеть.

Вообще-то я от этих дел отошел. Я торгую машинами и ни разу не нарушал закон уже год. Но Сол в немалой степени адресовал свою речь мне, а я ему должен. Должен вот этот самый вечер, когда я вижу счастливую Сюзет на сцене. Мои там вложены деньги или не мои, но без Сола Лейфермана у нас бы ничего не получилось. И он сделал все как обещал, до

самой последней мелочи.

– Я подъеду, – кивнул я в ответ на выжидающий взгляд Сингера.

– И нам вообще есть о чем поговорить, как раз время, – добавил он.

– Тогда о делах сегодня достаточно. – Сол хлопнул в ладоши. – Наслаждайтесь вечером, а у Сюзет еще номер. Эта девочка станет звездой, поверьте мне на слово. Есть вещи, в которых я всегда прав.

Во втором выходе Сюзет была уже не одна, танцевали свинг сразу три девушки с тросточками, одетые в белые, почти мужские костюмы и шляпы. Но и этот номер публика приняла хорошо, так что Сол объявил первый ее день успехом.

– Думаю, что через месяц у нее будет уже три выхода, а через два – четыре. Контракт предусматривает не меньше четырех, – пояснил он.

За стол платить нам так и не пришлось, хотя Сол сделал вид, что собирается. Но подошедший менеджер сообщил, что все внесено на счет заведения.

После того, как шоу закончилось и просто заиграл вышедший уже на сцену оркестр, мы начали расходиться. Сингер лишь напомнил, что ждет нас завтра у себя, после чего направился с дамой на выход. Все разъехались на такси, которые непрерывной очередью подкатывали к сверкающему огнями подъезду, и лишь я направился к стоянке, где присел на крыло своего «Доджа», наслаждаясь прохладным ночным воздухом, сменившим горячий дневной. Здесь вообще нужно ночь сделать рабочим временем, а спать днем, как мне кажется.

Публика почти вся успела разойтись до того момента, как на улице показалось купе «Плимут» белого цвета, медленно едущее вдоль полупустой стоянки. Я шагнул вперед, помахал рукой. Машина остановилась рядом, за рулем сидела улыбающаяся Сюзет, одетая теперь совершенно обычно и даже смывшая сценический грим. Волосы убраны под легкую шляпку.

– Что скажешь? – спросила она гордо.

– Если бы я сказал, что ты меня покорила – я бы соврал, – наклонился я к окну. – Покорила ты меня уже давно. Так что на этот раз просто добила окончательно. Поехали? – Мы быстро поцеловались, наплевав на все условности.

– Поехали. Я устала. И переволновалась.

– Езжай вперед.

Несмотря на то ли поздний, а то ли уже ранний час, машин на улице и людей на тротуарах до сих пор хватало. Отчасти поэтому я и люблю Новый Каир, за то, что он почти никогда не спит. Разве что совсем ранним утром жизнь замирает ненадолго, чтобы вскоре взорваться кипением рабочего дня, который позже превратится в шумный вечер и не менее шумную ночь, чтобы снова, ближе к следующему рассвету, ненадолго затихнуть.

Ехать от площади Согласия до Латинского квартала совсем недалеко, минут десять, не больше. Отчасти и поэтому мне нравится место, в котором живем – отсюда недалеко до всех интересных частей города. Аптаун, французский и американский центры – все рядом, до всего рукой подать. Пара поворотов, авеню Наполеон, поворот возле закрытого сейчас ресторана «Лестрапад» в проулок, оттуда на параллельную улицу Мане, и вот уже наша арка. Купе Сюзет свернуло в нее первым, мазнув лучами фар по оштукатуренным стенам, а я заехал следом.

Гаража здесь нет, зато можно поставить сразу две машины во дворе, гулком и

пустоватом, эхом отражающем тарыхтение моторов. Ни одно окно не светилось уже, все нормальные люди спали. А может, и где-то гуляли еще, потому что завтра суббота и у большинства этих самых нормальных людей выходной, так что выспаться и с утра можно. А это все же Латинский квартал.

Я открыл ключом дверь, просунул руку к выключателю и пропустил Сюзет в квартиру первой. Тут все как в той квартире, что я снимал раньше, – гостиная и кухня на первом этаже, две небольших спальни с террасой на втором. От своего жилья я отказался на всякий случай, когда сменил род занятий, а квартирка Сюзет была нам маловата, так что, как истек срок аренды по контракту, мы переехали сюда, с месяц назад примерно.

– Я устала-а, – протянула она, свалившись на диван и стаскивая с себя туфли. – И у меня нет сил даже дышать, чуть не умерла от волнения.

– Ты была неотразима. – Я присел на диван, положив ее ноги себе на колени. – Видела Джозефин Бейкер в зале?

– Это была точно она? – Сюзет даже поднялась на локте. – Я глазам своим не поверила!

– Точно, Сол с ней разговаривал. – Я начал массировать маленькую ступню Сюзет. – Ты видела, как она аплодировала? Ты блестяще выступила. Сол считает, что у тебя большое будущее.

– Он льстит. – Сюзет снова отвалилась на мягкий диванный валик.

– Он бизнесмен, он в тебя поверил и инвестировал, а потом нашел тебе прекрасный ангажемент. Так что лучше ему верить, пока все, о чем он говорил, сбывалось.

– Я боюсь верить, если честно. Страшно разочароваться.

– Любимая, год назад ты тряслась у него в офисе, переживая, что тебе вообще могут отказать, а сегодня ты если еще и не прима в одном из лучших кабаре, то не так далеко от примы. Дай другую ногу.

Она послушно положила мне на колени вторую ступню.

– Ой, как приятно... Не останавливайся.

– Я и не собираюсь. Сейчас станет легче. Наполнить тебе ванну? И ты в ней не уснешь?

– Не думаю, что я вообще способна сейчас уснуть. – Сюзет засмеялась. – Меня просто распирает от впечатлений. А после ванной мне будет нужна любовь и забота, так что сам не усни.

Проснулся я первым и спустился вниз тихо, стараясь не разбудить Сюзет. Но когда начал резать шампиньоны и опять для омлета, она спустилась следом. Совсем сонная, завернутая в халат, она подошла сзади и обняла.

– Ты почему вскочил?

– Нужно съездить по делам.

– А мы днем выйдем пообедать?

– Конечно. Я быстро вернусь.

– А куда ты собрался?

– Надо заехать к Сингеру.

– К Сингеру? – Она удивилась. – У тебя снова с ним дела?

– Не совсем. Это еще те дела, с тех времен. Надо кое-что закончить.

Сюзет чуть отстранилась и посмотрела на меня с подозрением.

– Что закончить?

– У меня есть еще деньги, помнишь? Я тебе говорил. Теперь нужно их получить. Ничего криминального, просто они нам понадобятся. Там не меньше шести тысяч фунтов, а может, и больше.

Если получится продать облигации за половину цены, то выйдет даже семь с половиной тысяч на каждого, большие деньги, хватит, чтобы полностью закрыть все кредиты «дилершипа», и даже останется.

– Я не хочу, чтобы ты опять во что-то влез.

– Там не во что влезать. Мы год сидели тихо просто из чистой перестраховки.

– Ты же не забыл, что мне обещал?

– Нет, не забыл. – Я притянул ее к себе, чтобы поцеловать, но она отстранилась.

– Вот и не забывай.

– Ты омлет будешь? Я тогда еще грибов подрежу.

– Буду. Режь. Я в душ.

Омлет, пара тостов, крепкий кофе, круассаны, что доставили с утра и бумажный пакет с которыми я подобрал с крыльца вместе с бутылками молока, – отличный завтрак. За окном начинался день, доносились крики мальчишки-газетчика, который пытался распродать свою пачку каждое утро на соседнем углу, через открытое окно было слышно, как у кого-то из соседей играет по радио музыка. Люблю субботы, теперь особенно люблю после того, как они превратились для меня в законный выходной, но, боюсь, любовь к ним придется переоценить уже сегодня. Для Сюзет теперь суббота – рабочий день. Или даже рабочая ночь. Работа в кабаре имеет свои темные стороны, тут ничего не поделаешь.

– Во сколько ты вернешься?

– Около половины второго, я думаю. В два самое позднее. Так что решай, куда пойдем обедать.

– Хорошо. Я пока приберусь немного.

– Отдохни лучше.

– Я уже. Если бы не выпалась, то и не проснулась бы. Сколько сейчас? – Она посмотрела на восьмиугольные часы на стене. – Одиннадцать. Все равно дольше спать нельзя, буду потом весь день разбитой.

– Когда у тебя выходной?

– Понедельник и вторник, а что? – Сюжет отставила пустую чашку из-под кофе на стол и закинула ногу на ногу так, что полы халата съехали, не оставив уже никакого простора воображению.

– Сходим в кино? В «Вавилоне» идет «Сто мужчин и девушка» с Диной Дурбин.

– Пошли. Девочки в уборной его хвалили. Там классные танцы.

– Поэтому и предлагаю, читал критику в газете. Ладно, пойду одеваться, пора уже ехать. Кстати, – я обернулся к ней, – когда мы уже поженимся?

– Ну... – она задумалась, закинув руки за голову, при этом шелковый халат еще и натянулся и разъехался на груди, – к Рождеству ближе?

– А зачем так долго ждать?

– Я загадала. – Она улыбнулась. – Поль, да куда я от тебя не денусь, что ты нервничаешь?

– Тогда чего ждем?

– Пока мама думает, что я живу с любовником, она избегает лезть в мою жизнь. – Сюжет хихикнула. – А когда мы поженимся, она тут же возникнет с целым листом полезных житейских советов, а еще начнет настаивать на том, чтобы я бросила танцы, потому что замужней даме не к лицу вертеть почти голой попой на сцене.

– Ты уверена?

– Я знаю маму. Сейчас она избегает обсуждать меня с подругами, а если я выйду замуж, то стану у них основной темой. И тогда советовать, как правильно жить, начнут уже все, а она будет работать чем-то вроде радио, транслируя неиссякаемый поток женской мудрости в моем направлении.

– Надо же, как все сложно, – усмехнулся я. – Иногда даже выгодно быть сиротой, получается. – Я нагнулся и поцеловал ее в теплые нежные губы. – Пошел собираться.

Из шкафа в спальне я достал легкие серые брюки, пиджак из сирсакера в тонкую полоску, надел голубую сорочку без галстука, никакой официальности в моем деле нет, и водрузил на голову панаму из белой блестящей соломки. Под пиджак, разумеется, надел кобуру с «сэведжем». От этой привычки я точно не могу отказаться, особенно учитывая тот факт, что закон против этого ничего не имеет. Сюжет тоже свой маленький пистолет из сумочки не выкладывает.

– Поехал, – объявил я, спустившись вниз. – Скоро буду.

Сюжет лишь погрозила мне пальцем с явным намеком на «ты обещал». Да, обещал, и хорошо это помню. Но все же историю с Солом предпочел пока утаить. Посмотрим, может быть, Сингер и вовсе откажется, а может, мы придумаем что-нибудь разумное и неопасное. В этом случае мы даже на стороне закона, так что незачем лишний раз волновать любимую женщину.

Ехать до «Сокровищ фараонов», магазина древностей Сингера, совсем недалеко. Он хоть и в американском секторе, но ближе к границе с французским. Сингер намеренно старался уйти как можно дальше от своего настоящего облика, то есть бывшего бутлегера и главаря «аутфита» Сент-Пола, что в Миннесоте, и поэтому отпустил себе и профессорскую бородку, и ездил на французской машине, и держался поближе к французскому же сектору, тем более что район был богат как раз на антикварные лавки, галереи и магазинчики египетских древностей. И на самом деле, глядя на этого приятного, похожего на

университетского профессора человека, было почти невозможно поверить в то, что он когда-то организовал устранение своего босса, подорвав того вместе с машиной, и устроил ограбление почтового вагона со стрельбой, потом еще и облапошив нанятых на один раз сообщников.

Впрочем, сейчас Сингер не только торговал древностями, все больше фальшивыми, но и скупал информацию обо всем, что происходит в криминальном подполье города, используя ее лично в корыстных и вполне себе преступных целях или же перепродавая. Так что университетский профессор из него получился так себе, если уж честно говорить.

Уже по привычке подъезжать сразу ко входу в магазин не стал. Остановился поодаль, понаблюдал немного. Нет, люди Антенуччи меня уже и искать забыли, как я думаю, и сюда в поисках меня тоже не наведуются, но все же мало ли кого можно тут встретить? Но ничего подозрительного не обнаружил. Первые посетители бара за столиками на улице, под разноцветными зонтиками, из магазина под ручку вышла немолодая пара и направилась к стоящему перед самым входом «Мерседесу». Чуть дальше по улице дворник сметает пыль с тротуара.

Можно идти. Поднял стекло в двери, выбрался из-за руля и потопал к бару.

Если Сингер назначил встречу именно там, то это означает, что баром сегодня заправляет Джимми – здоровенный, чуть погрузневший бывший боксер-тяжеловес с наполовину парализованным лицом, из-за чего любая усмешка в его исполнении превращалась в недобрую кривоватую ухмылку. Да и мой бывший «Форд V-8», стоящий неподалеку от входа в бар, тоже это доказывал.

– Джимми, скучал ли ты по мне? – спросил я с порога.

– Нет, – ответил он, причем даже искренне, как мне показалось. – А если бы скучал, тебе было бы легче?

– Нет, не думаю, – покачал я головой. – Но пиво у тебя по-прежнему холодное?

– Не рано для пива? – Он посмотрел на меня с подозрением. – Мама разрешает пить в такое время?

– Только молоко, но у тебя его нет. Так что налей пинту «Чаррингтона», мама все равно не видит.

– Если она дала тебе пять пенсов на завтрак. – Джимми достал из-под стойки кружку и принялся накачивать в нее эль.

– Видел? – Я выудил из кармана шиллинг и хлопнул им о стойку. – Надеюсь, что в этой дыре наберется сдача.

– Целый шиллинг, с ума сойти. – Джимми вздохнул. – Детям стали давать слишком много карманных денег, поэтому вместо леденцов на палочках они покупают пиво и шлюх. Держи, – он поставил налитую до краев кружку передо мной. – Босс с кем-то занят, сказал позвать его, как приедет кто-то еще, кто его спросит. – Он высыпал на стойку несколько монеток сдачи.

– Подождем.

Я взял с полки газету и вместе с пивом пересел за столик.

Первым делом нашел нашу рекламу. Вроде бы хорошо разместили, в глаза бросается. Так, криминальная хроника. Ограбление дорогого ювелирного в аптауне. Грабители зашли под видом покупателей, наставили оружие на хозяина и продавца, взяли украшений на три с половиной тысячи фунтов. Скрылись на сером седане неустановленной марки.

Убийство на почве конкуренции. Садовник убил другого садовника ударом лопаты по

голове из-за спора о территории. Арестован в тот же день, ему назначен залог в две тысячи фунтов, который пока не внесен.

Последствия тайфуна в Гонконге, количество жертв оценивается в одиннадцать тысяч. Ничего себе. Си-би-эс объявило, что организует концерт оркестра Лос-Анджелесской филармонии в память Гершвина и будет транслировать его в эфире. Ожидается много знаменитых музыкантов. Несколько стран собирают конференцию из-за атак неизвестных подводных лодок у испанского побережья, причем подозрение падает на Италию, которая все отрицает. Франкисты захватили город Йанес, республиканцы отступают. Коммунистическая Восьмая армия Китая неожиданно выиграла крупный бой у японцев возле города Пи Ксин Хуан. Действительно неожиданно. А вот битва за Шанхай продолжается, и там японцы выигрывают.

Ага, вот это уже нам интересно: компания «Де Бирс» извещает, что аукционы будут продолжаться, набор лотов у них уже подготовлен, но дата нового аукциона будет назначена в ноябре. Вот интересно, куда все же ушли те камни? Они ведь так и не всплыли. И мне с моим камнем, тем, что я снял с Шиллера, или Шаплена, как хочешь, так и называй этого злодея, надо разобраться. А вот как разобраться? Пока придумать не получается. Хочется сделать все скрытно и так, чтобы ни у кого никаких вопросов не возникло. Или просто его продать? Сколько он может стоить? Ведь не меньше пятнадцати тысяч фунтов, однозначно, в нем больше трех карат, и он легко примет в себя Силу. Но если его перегранить и зарядить на себя, «на удачу» например, то можно заработать еще больше, как мне кажется. Думать надо, думать.

Лорд Бриггс, вице-губернатор зоны Большого Каира, выступая перед газетчиками, сообщил, что железная дорога Каир – Александрия будет открыта первого октября. И да, британская власть открывает аукцион лицензий для казино в Александрии. Будет разыграно шесть лицензий. Хм... все же они это сделали, хотя споров в верхах было много. Теперь Александрия как курорт точно станет знаменитой.

Совет американского сектора выиграл суд о праве самостоятельно определяться с архитектурным обликом своего сектора, так что скоро начнут строить небоскребы.

Прямо перед входом в бар остановился длинный светло-серый «Линкольн» с шофером за рулем, из задней двери которого самостоятельно выбрался Сол. Оглядевшись чуть неуверенно, он все же направился в бар.

– Это он, – сказал я Джимми.

Тот сразу сунул руку под стойку, к замаскированному звонку. Сингер услышит и выглянет сквозь одностороннее зеркало за спиной у бармена. Я же поднялся навстречу агенту.

– Сол, – протянул я руку.

– Рад видеть, дружище, – тот еще и по плечу меня похлопал. – Как дела? Как Сюзет после первого вечера?

– Она счастлива.

– Рад за нас с ней обоих. – Сол ухмыльнулся. – Пусть начинает блистать, а дальше старина Сол перепишет ее контракты так, что все останутся счастливы.

Дверь в дальнем конце бара открылась, и в помещение вошел Сингер.

– Заходите ко мне, – пригласил он.

Кабинет Сингера в задней части магазина был самым настоящим хранилищем древностей, настоящих и поддельных. За огромным столом с ножками в форме египетских

колонн возвышалось не менее огромное кресло зеленой кожи, но сейчас Сингер провел нас к диванам, буквой «Г» выстроившимся возле низкого и длинного кофейного столика.

– Что могу предложить, джентльмены? – спросил он, входя в роль гостеприимного хозяина. – Скотч, бренди, бурбон?

– Немножко бренди, – сразу ответил Сол.

– Ничего, – отказался я от алкоголя.

Сингер поставил на стол широкий бокал, в который плеснул бренди, а потом налил себе в низкий стакан немного бурбона.

– Давай к делу, Сол, – сказал он, усевшись на диван и закинув ногу на ногу, открыв высокий пестрый носок. – Насколько ты вообще уверен, что этот Монро торгует дерьмом?

– Я уверен, хоть доказать и не могу, – ответил агент сразу. – Я выяснял. Покупатели его прикрывают, но я знаю много людей, слухи все же расходятся.

– Как он продает?

– Точно не знаю. Но зато точно знаю, кому.

– Имеешь в виду, что мы сами можем... хм... уточнить? – Сингер чуть вскинул брови.

– Именно это я в виду и имею. Уточнить и удалить Монро с картины. Лучше навсегда, но и большой срок в тюрьме меня тоже удовлетворит. Этот парень как зараза, инфекция.

– Что думаешь? – Сингер повернулся ко мне.

– Надо сделать. – Я пожал плечами.

– Как сделать?

– Есть пара идей. В финале его должны хлопнуть копперы. С кучей дерьма на руках.

– Нужна куча дерьма, – напомнил Сол.

– Я знаю, где взять.

– И не засветиться? – уточнил Сингер.

– И не засветиться, – кивнул я.

– Сколько это будет стоить?

– Оптовая цена, насколько я помню, порядка двенадцати шиллингов за грамм, если брать не меньше килограмма.

– Проклятье, я никогда не смогу считать в этих чертовых шиллингах, – вздохнул Сол. – Я научился килограммам и метрам, но от чертовых денег лайми у меня ум за разум заходит. Сколько будет стоить килограмм?

– Шестьсот фунтов. Или три тысячи баков.

Сол вздохнул.

– Немало. А если купить фунт, скажем?

– Цена задерется. Получится, если в долларах... – Я посчитал в уме, основываясь на том, что слышал в последний раз примерно пару лет назад. – Где-то пятнадцать шиллингов, а полкило... триста семьдесят пять фунтов. Но продажа и хранение героина в особо крупных размерах начинается с килограмма. Тогда Монро запрут по-настоящему надолго, меньше десяти лет он не получит, а может схватить до двадцати.

– Черт с ним, не жалко, я дам шесть сотен чертовых фунтов, – махнул он рукой. – Во сколько обойдется сама работа?

– Мы возьмем тысячу, – ответил Сингер. – Это с большой скидкой, Сол, придется привлекать людей, если мы хотим все сделать как надо. Половина вперед, половина по окончании. И еще двести уйдет в полицию, чтобы сделали все как надо.

– Четыреста вперед, восемьсот по окончании. И шесть сотен на героин. Я взял с собой

тысячу. – Лейферман вытащил из внутреннего кармана пиджака толстый конверт с купюрами и кинул на стол.

– Пусть так. – Сингер кивнул, заглянул в конверт и быстро пересчитал десятифунтовые банкноты. – Тогда бери бумагу и пиши все, что ты знаешь про этого Монро. Где живет, где офис, где обычно крутится, с кем общается. И самое главное – кто у него покупает. Пол, когда сможешь купить кило дерьма? – обратился он ко мне.

– В понедельник, я думаю.

Сегодня шаббат, и лавочка Цви закрыта. Завтра он тоже закрыт, потому что и от воскресений не отказывается. А вот в понедельник я смогу к нему заехать и прихватить один сверток из тех трех, что я взял со скачка на букмекерскую контору прошлым летом. И да, я при этом никак не засвечусь.

– А со своими ребятами поговорить?

– Сегодня и завтра. Сегодня вечером, скорей всего.

– Держи деньги на дурь. – Сингер отсчитал шесть сотен и протянул мне. – Не запались, сам понимаешь.

Ну, вот я уже что-то заработал в любом случае, даже усмехнулся мысленно. Краденая дурь пойдет на то, чтобы посадить торговца этой самой дурью. И еще шесть сотен, три тысячи долларов, на которые я смогу, например, закупить семь машин для торговли, и еще останется.

– Какие идеи? – спросил Сингер после того, как Сол ушел.

– Купить дерьмо, подкинуть его Монро домой или в офис, так, чтобы на пакете его отпечатки образовались, сдать копперам.

– Надо точно убедиться в том, что торгует именно он и Сол не втравливает нас в другую историю, вроде как выпнуть конкурента из бизнеса. – Сингер помассировал затылок. – Так что начать лучше с этого. – Он потыкал пальцем в исписанный лист. – Надо прикинуть по списку, кого можно потрясти так, чтобы тот все выложил. И затем думать дальше.

– Согласен.

– Иан и Рауль возьмутся?

– Если каждому достанется по двести пятьдесят куйдов^[2], то почему бы и нет? Это по гранду с четвертью, если в баках.

Заодно и свои условия обозначил. Делим поровну, у самого Сингера обязанностей немного, будет просто сидеть в своем кресле и ждать новостей. От моего заявления он в восторг не пришел, но и возражать не стал.

– Давай прикинем, с кем можно побеседовать. – Он взял со стола бумагу. – Женщин вычеркиваем, все же останемся джентльменами, а остальных... три человека. Актер, танцовщик и кларнетист из оркестра. Домашний адрес есть только у актера. Американский сектор... Пятьдесят вторая улица, отель, судя по адресу.

– Перепиши адрес, я сегодня проеду мимо, гляну, что за место. Кто это? Дик Милланд... я его в кино видел, в «Путешествии по Нилу». Не смотрел?

– Смотрел. А кто он там?

– Помнишь такого... он еще там в теннис играл и клеился к главной героине?

– Да, был такой. Это он, что ли?

– Имя совпадает. Тогда я его еще и в лицо узнать смогу. Кстати, что насчет китайских бумаг?

– Год прошел, пора ими заняться.

– Есть идеи?

– Если бы не было, я бы молчал. – Сингер усмехнулся. – Мне не хочется делать это через свои обычные контакты, больно уж дело громкое, пришлось искать другие.

– Нашел, насколько я понимаю?

Сам я не рискнул даже разговор заводить с Цви на эту тему, хоть и уверен, что он перепродать их сможет. Облигации китайского займа слишком сильно связаны с ограблением аукциона, так что заложить может кто угодно, тем более что объявлена большая награда за грабителей. И тех, кто унес бриллианты, и тех, кто ограбил банк рядом.

– Похоже, что нашел. Довольно странный контакт, но выглядит реальным.

– Чем странный?

– Связь через бордель. – Сингер снова усмехнулся. – Китайский бордель. Попробую устроить встречу на следующей неделе, а тебе с твоими придется заняться тем, чтобы нам там головы не отрезали. Привлекать к этому делу мы никого не можем, сам понимаешь.

– Это я понимаю, – осталось согласиться мне. – Головы лучше все же сохранить. Ладно, мне пора. – Я встал с дивана. – Суббота для работающего человека почти так же священна, как и для твоего народа.

– Иди давай. – Сингер отмахнулся. – У меня клиенты через пятнадцать минут.

Я появился дома ровно в половину второго, то есть минута в минуту согласно своим обещаниям. Сюжет уже собиралась, так что минут через десять мы пешком отправились в «Ле Папильон» – отличный ресторанчик здесь же, в Латинском квартале, буквально в двух кварталах от нас. И там устроили себе хоть и легкий, но долгий обед с рыбой, улитками и десертом, после которого Сюжет заявила, что теперь точно не сможет танцевать.

– До вечера еще долго, – возразил я.

– Не так чтобы очень. – Она посмотрела на маленькие часики на браслете. – Ладно, как-нибудь справлюсь. Надо себя сдерживать, но все было чертовски вкусно. Как ты съездил, кстати?

– Поговорили. Да и все, пожалуй. Куда теперь?

– Сейчас только домой, я слишком наелась для того, чтобы куда-то еще идти. Слушай, а давай съездим в Александрию?

– Прямо сейчас?

– Нет, на следующей неделе. У меня должно быть три дня выходных. Хочется на пляж.

– Давай, никаких проблем, – обрадовался я. – Можно забронировать номер в «Эль-Саламлеке», самый лучший отель в Александрии, рядом с дворцом и садом. Проведем две волшебные ночи.

– Отлично. Тогда веди меня сейчас отдыхать, надо готовиться к шоу. – Она взяла меня под руку.

На улице был самый разгар жары, но бульвар Руссо, по которому мы шли, бульваром назывался не зря и был засажен деревьями так плотно, что можно было и вовсе не выходить из тени. Все скамейки были заняты старичками с газетами, немолодыми дамами, мамашами, вышедшими погулять с детьми. Откуда-то слышалась игра небольшого джаз-оркестра, из открытого кафе на террасе отчаянно тянуло кофе. Латинский квартал жил своей привычной жизнью, той самой, из-за которой я в нем и поселился. Эдакая смесь домашности и богемности, все сразу.

– Слушай, я только сейчас подумала... – вдруг сказала Сюжет. – Мы же теперь почти

совсем не будем видаться. Ты работаешь, когда я дома, а когда ты возвращаешься, я уже буду уезжать.

– Ну, ты же хотела жить с честным человеком, – засмеялся я. – По ночам «Плимуты» никто не покупает. Кстати, как тебе «купе»?

– Нравится. А ты уверен, что по ночам машины никто не купит? Магазины в аптауне открыты чуть ли не до ночи, и в них все ходят. А когда вы открыты, все покупатели еще на работе сами.

– Да? – Я чуть задумался. – Может быть, бросишь танцы и пойдешь ко мне менеджером?

– Только если снова ногу вывихну. – Она чуть толкнула меня локтем в бок. – Но было бы здорово, если бы получилось видаться больше.

Нельзя сказать, что она совсем не права, кстати. И даже нельзя сказать, что я об этом не думал. Проблема обычно в профсоюзах, которые требуют оплачивать работу персонала по другой ставке в необычное время, но сэйлсмены работают за комиссионные, только Мэри на зарплате. Но как раз она вечером в офисе и не нужна. Можно сдвинуть смены, а самому приезжать позже, чтобы оценить, сколько людей будет приходиться вечером. И тогда да, я буду видеть Сюзет еще и утром.

– Я подумаю. На самом деле мысль может быть очень удачной. Кстати, как у тебя отношения в новом месте?

– Пока никак, ко мне присматриваются. Самые склоки обычно в кордебалете, но это уже другая примерка. Примы отдельно, а таких, как я, там всего пятеро. Но что-нибудь обязательно начнется, поверь. – Она усмехнулась.

Ну да, я помню, как Сол сравнил отношения между танцовщицами в таких местах с волчьим питомником. И даже подозреваю, что он сильно смягчил реальность.

– Что будешь делать сегодня?

– Заеду к закрытию в офис, потом надо с Ианом поговорить. А дальше не знаю. Если хочешь, могу тебя отвезти и потом встретить, все равно делать нечего.

– Не надо, я сама. Отдыхай. Тем более что Иан тебя точно в паб затащит, так что лучше возьми такси.

– Я подумаю. Лучше попытаюсь избежать паба.

– Ты его ни разу не избежал, если встречался с Ианом не на работе.

Это правда, да. Потому что Иан бывает или на работе, или в пабе. Паб можно считать его вторым офисом, домом и заодно приемной. Но машина мне все же нужна сегодня, так что на такси не поеду.

В семь часов Сюзет уехала, ну и я почти сразу после нее, дозвонившись предварительно Иану. Проехал по Пятьдесят второй, остановившись у адреса, что дал Сол. Вполне приличный «Парк-Отель», не из дешевых, из тех, в которых живут постоянно. Швейцар у двери, парковка машин на заднем дворе за решетчатыми воротами. То есть попасть внутрь будет не так просто, если вдруг потребуется. Актер Милланд неплохо зарабатывает, похоже. И на героин ему хватает, и на этот отель, и еще на что-нибудь, наверное.

Задерживаться не стал, чтобы внимания не привлекать, поехал дальше, в британский сектор, в паб «Герб Бирмингема», где Иан вполне предсказуемо назначил встречу. Вот если бы он предложил другое место, то тогда бы я очень сильно удивился. Проскочив через центр города, я выехал на Четырнадцатую улицу, длинную и не слишком хорошо освещенную, заполненную больше оптовыми магазинами, мастерскими и гаражами. И нужный мне паб

размещался почти напротив «Гаража Хупера», то есть логично представлял собой вторую часть среды обитания Иана. Тот или с машинами возился, или пил пиво напротив. Правда, теперь рабочая часть вселенной Иана приросла еще и гаражом нашего «дилершипа».

Поставив «Додж» на стояночке перед гаражом, я перешел дорогу, ведомый светом из окон паба и сияющей вывеской. Уже на подходе услышал гул голосов, доносящийся изнутри. Окна по причине вечно жаркой погоды вечно же и были открыты.

Иан восседал за стойкой и болтал с «бартендером», как в этой части города называли барменов. На «бармена» они бы даже оскорбились, наверное. Это как задницу назвать пошлым американским словом «ass» вместо благородного британского «arse».

– А вот и он, – объявил Иан, и «бартендер» Дэйв кивнул мне. Благодаря моему компаньону меня тут знали. – Налей ему сразу пинту сраного «Баркли», чтобы он не начал жаловаться на жажду.

– За твой счет? – уточнил Дэйв.

– За мой, конечно, я добрый парень.

«Парень», разумеется, прозвучал как «lad», а не «guu». Другой мир, другие нравы. Кстати, я заметил, когда Иан говорит с американцами, его полубританский-полуирландский ливерпульский акцент резко усиливается.

Дэйв накачал рычагом пинту «Баркли Перкинс», записал сумму в листочек, прикнопленный к стойке прямо напротив Иана, и выставил кружку на стойку.

– Пошли наверх? – спросил Иан, показав на лестницу, ведущую на второй этаж. – Там места еще были.

Вообще «Герб Бирмингема» вечером забивается публикой до краев, но больше в будние дни, тут район рабочий. В субботу и воскресенье сесть проще. Так что мы поднялись в «мужскую зону», на галерею, идущую над всем залом, куда женщинам традиционно доступа не было, равно как им никто не наливал пинту, а только по половине оной. Впрочем, женщин тут обычно и не бывало, место совершенно мужское.

– Держи. – Я выложил перед собой конверт, едва мы уселись за столик у окна.

– Это что? – удивился Иан, заглянув внутрь.

– Триста куидов. Твоя доля с того последнего скачка.

– А мы что, не все поделили? – удивился он.

– Деньги поделили все, но я взял кое-что еще. И теперь часть этого превратилась в деньги.

– А что ты еще взял?

– Три килограмма героина, – сказал я тихо. – Теперь килограмм дерьма нам нужен будет для дела, а я вставил это в расходы нанимателю.

– Ты решил за старое взяться? – хмыкнул он, убирая конверт в карман куртки.

– Нет. Но нас просят помочь в одном щекотливом деле. Сол просит, который помог Сюзет. И дело нормальное, даже криминалом не назовешь.

– Рассказывай. – Иан откинулся на спинку массивного стула, скрестив руки на груди и придав лицу максимально скептическое выражение. – И заодно поведай, почему молчал про героин.

– Дерьмо хотел спустить в унитаз, не торговать же им. В последний момент передумал.

– Почему?

– Была мысль подкинуть его кому-то, кто нам тогда мешал. Но справились и без этого.

– Как мы в результате справились – это отдельная сраная история. – Иан засмеялся. –

Шли за миллионами, а остались с какими-то сраными бумажками.

– Могли вообще без ничего вернуться, – пожал я плечами и отпил эля, – бумажки случайно достались. Ладно, ты будешь слушать или нет?

– Вали все дерьмо в кучу, – махнул он рукой. – В любом случае три сотни с этого я уже поимел.

Я быстро пересказал ему то, о чем говорилось вчера вечером и сегодня у Сингера. Иан слушал внимательно, кивал, затем сказал:

– Нормально. Давай как-нибудь хлопнем ублюдка, таких не жалко. Что нужно?

– Машина, как обычно. Есть что-нибудь?

– Есть «Остин», дерьмо еще то. – Иан задумался. – И могут дернуть «Олдс-восемьмерку», но там надо будет поработать. А так ничего пока нет подходящего.

– Номера хотя бы есть?

– Номеров как дерьма, сам знаешь. А что хочешь? Взять машину из продажи?

– Не знаю пока. Возможно. Серых «Плимутов» много. Скрутишь потом счетчик. Я пока не знаю вообще как к делу подступиться. Но с актером надо побеседовать, и желательно в таком месте, где он станет разговорчивым.

– То есть надо его увезти? – уточнил Иан, приложившись к кружке.

– Или попасть к нему домой. Но это сложнее и больше риска спалиться.

– А что ты хочешь узнать?

– Как этот Монро продает порошок. Куда привозит, когда привозит, как они договариваются.

– Тогда надо как-то садиться на хвост и следить. А так я вообще не представляю, как все эти сраные звезды живут. Здесь, – он постучал по столу, – я их никогда не встречал. Ты знаешь?

– И я не знаю. Какая-то светская жизнь у них должна быть, как мне кажется. Клубы и все такое.

– В американском секторе порошок через клубы и продают в основном, где джаз играют.

Об этом я слышал. Джаз больших денег не приносит, а вот героин приносит. Сто грамм стоит как хорошая машина. Торгуют больше черные, которым дают товар сицилийцы или корсиканцы, а ходит в эти клубы кто угодно.

– Я так понимаю, что этот Монро сам им все привозит. Вот это и нужно выяснить.

– Рауль участвует?

– Думаю, что да. Я с ним завтра поговорю.

– Может, все же дернуть сраный «Олдс»? Он большой, ребята из «аутфита» любят на таких ездить. Если напялить сраные костюмы и «федоры», то если кто и увидит что-то, то решит, что у актера проблемы с «мобом». И сам он так решит.

Я подумал, затем кивнул:

– Разумно. Во сколько обойдется?

– Я сам дерну, в такое сраное дело лучше никого не звать. Что сейчас? Поедешь куда-то или посидишь?

Это намек, я его понял правильно.

– А куда ехать? Сюжет выступает, я дома один. Здесь посидим.

– Хоть одна толковая мысль в этой голове за сегодня. – Иан хмыкнул. – Твое здоровье. – Он отсалютовал кружкой.

Вчерашняя поездка домой обошлась мне в пять фунтов. Именно столько взял экипаж полицейского «Шевроле», остановивший меня где-то в районе Двдцатой улицы и унюхавший стойкий запах эля. Но после передачи купюры в пенсионный фонд стороны расстались довольными друг другом, и я продолжил свой путь домой.

Успел все равно до Сюзет, та приехала где-то через час, уставшая, но опять очень довольная. Настолько довольная, что даже мне не дала уснуть, хоть и ругалась из-за машины и запаха пива. С утра следующего дня мне никуда не нужно было спешить, так что проспал с ней до полудня, после чего мы заменили обычный завтрак долгими посиделками за кофе с круассанами. Потом я дозвонился до Рауля и договорился встретиться вечером уже с ним, после чего мы вдвоем с Сюзет поехали по магазинам, так ничего толком и не купив, кроме фруктов в лавке зеленщика неподалеку и рыбы в соседней лавке. Но хоть время вместе провели.

Рауль назначил встречу в уличном кафе на Пляс-де-Фош, рядом с Вернисажем, и я так понял, что у него в тех краях свидание назначено. Это нормально, логично, потому что представить себе Рауля, проводящего воскресный вечер без женской компании, я не мог. К половине восьмого я подъехал туда и уже с трудом нашел место для машины, площадь была забита народом. У входа в «Ксанаду» выстроилась целая толпа, как раз под афишей с портретом Моник Франсуа, и мне даже стало любопытно, продолжается ли еще интрижка звезды кабаре с вице-губернатором зоны Большого Каира. Была ли эта связь частью плана добраться до сейфа в доме лорда Бриггса или смысл его был вполне себе романтический? Впрочем, какая теперь разница? Все осталось в прошлом, и мы даже не рискуем с лордом Бриггсом встретиться, потому что мои пути и пути британского аристократа и верховного чиновника не пересекаются ни в одной точке. Да и риск столкнуться с Марго сведен практически к нулю. После той памятной встречи в их доме, когда я застрелил Шиллера и его помощника, мы друг друга не видели и не слышали. Чуть больше опасения вызывала Жанин, та самая, что не носит нижнего белья, которая часто крутилась во французском секторе. Но и ее я не встретил тоже ни разу. Могла и уехать, к слову.

Рауль был одет в хороший костюм и дорогую шляпу, так что явно приготовился к свиданию. Сидел он за мраморным столиком с бокалом красного вина и занят был тем, что провожал оценивающим взглядом проходивших мимо дам, от чего я его и отвлек, усевшись напротив.

– Самое важное! – вместо приветствия он воздел указующий перст в небеса. – Твоя Сюзет была неотразима. Может, ты даже не так уж и не прав, когда решил влезть в такие отношения.

– Видишь? Учишься понемногу.

– Это не означает, что я созрел для подобного. Гарсон! – он махнул рукой, призывая официанта. – Ты что будешь? – обернулся он ко мне.

– Молодое, красное, сухое. И кофе.

– На ночь?

– Ночь только начинается. А Сюзет вернется к утру.

– Ну да, верно. Вы слышали, – сказал он гарсону и тот, подтвердив заказ, быстро удалился. – Так что у нас за дела?

– На двести пятьдесят фунтов каждому.

– Надолго? Я уеду примерно через неделю.

– Обрато в Марсель?

– А куда еще? Туда. Мог бы ко мне приехать, провели бы время... а, ну да, тебе больше нельзя. – Он ухмыльнулся, демонстрируя мне преимущества своего холостого и беспутного статуса.

– Нельзя. И работать надо. Я же не жулик, как ты, а честный человек.

– Послушайте его только. – Рауль чуть не заржал. – И этот честный человек предлагает мне работу? Мыть машины у него в гараже?

– Надо просто увезти одного парня, потрясти, пока не скажет что нужно, а потом второму подкинуть в офис или домой кило героина.

– Ну... да, все совершенно законно. Согласен. В неделю уложимся?

– Надо постараться.

– Тогда рассказывай, пока эта Керри не пришла.

– Что за Керри?

– Художница. – Он вздохнул. – Пишет исключительно обнаженных дев в стиле примитивизма. Не возбуждают.

– А она? – на всякий случай уточнил я.

– Она возбуждает, особенно когда молчит. Приходится все время поворачивать ее задницей к себе, потому что если она лицом, то сразу начинает говорить о возвышенном. Это очень отвлекает. – Он махнул рукой в сторону выставки. – Она сейчас в Вернисаже, там у нее какая-то божественная встреча у чьих-то картин. Звала меня, но я отказался, сказал, что не дорос до искусства.

– Тебе надо что-нибудь почитать на эту тему, тогда все художницы твои.

– Я пока только одну симпатичную встретил, – отмахнулся он. – Когда встречу еще одну, то подумаю над твоим предложением. Ладно, давай к делу. Рассказывай.

Я рассказал. И оказалось, что с пользой, потому что Рауль, выслушав, заявил:

– Я видел этого парня в «Шанхайской Лилии».

– Это что? – спросил я, заранее предугадывая ответ.

– Это бордель на самой границе Чайна-тауна и американского сектора. Находится в Чайна-тауне, сам понимаешь, но ходят в основном американцы. Это даже не совсем бордель, скорей клуб, там ресторан с хорошей восточной жратвой, пускают далеко не всех. Любители экзотики со всего города туда ездят, у кого денег много. Музыка как кошки мяукают под бубенцы, кругом золотые драконы, массаж для нефритового стержня и все такое.

– А ты как там оказался? Нефритовый стержень лечил?

– Провел один знакомый, интересно было глянуть. Он же и показал этого Дика Милланда, сказал, что киношная звезда и вечно тут околачивается. Я его в кино не видел.

– «Путешествие по Нилу» не смотрел?

– Нет. А стоит?

– Не знаю. Немного дурацкая комедия, но музыка хорошая.

– Тогда посмотрю. Могу поговорить с тем парнем, что меня туда водил, он там вроде бы всех знает.

– Ирландец, что ли? – У Рауля вся «клиентура» из Маленькой Ирландии, тамошние гангстеры.

– Ага, мик^[3], каких поискать. И пьет как... мик. С ним можно дело иметь, не

разболтает.

– В том и дело, что лучше звонить заранее, может не быть столика и все такое. И там еще играют, так что сам понимаешь, просто так не войдешь.

– Попробуй. И дай адрес, я мимо проеду, посмотрю, как там что со стороны. Твой кореш точно потом не разболтает?

– А что там разбалтывать? – удивился Рауль вопросу. – Мы же его не в Нил потом, верно? Пинка в зад и отправим гулять, так?

– Примерно.

– Ну так и он сам никому ничего не скажет. А Кил нормальный парень, они много моего товара берут, так что если бы я попросил его об услуге, то он сам нам этого Милланда притащил бы.

– Кил?

– Килиан, это их миковское имя. Завтра с утра ему позвоню, сейчас он уже точно где-то пьяный и с девками. А вон моя талантливая топает. – Рауль показал куда-то через улицу.

– Дерьмо, – выругался я. – Смываюсь, отдай ей мое вино. Помяни черта к ночи... – Я отвернулся и вскочил со стула.

– А что? – не понял Рауль.

– Ее подруга. Это подружка той самой Марго... ну, ты понял. Все, я ушел, меня тут не было.

– Веди себя хорошо, – только и сказал Рауль вслед.

Я быстро вышел из кафе, завернул за угол и там остановился, прикрывшись пальмой в кадучке и наблюдая из-за нее. Точно, не обознался. Две девицы, одна из них высокая худая блондинка в красном берете и пестром платье, вторая – все верно, Жанин. Вполне мог нарваться. И обе идут к кафе. Интересно, художница уже все знает насчет нижнего белья? И сама его носит или нет? Как-нибудь у Рауля поинтересуюсь. При случае.

Девушки остановились у ограды кафе, перекинулись парой слов, затем блондинка пошла к Раулю, а Жанин направилась к припаркованной неподалеку машине – бледно-желтому кабриолету «Рено Вива Гранд-Спорт». Хорошая машина. Пусть даже французский франк и упал за последние два года, но все равно стоит под триста фунтов. Кстати, за счет дешевого франка их машины начали понемногу теснить американские в этом месте. Черт, я совсем свихнулся на автомобильной торговле. А Жанин может себе позволить. Краус тогда сказал, что у нее годовой доход под шесть тысяч фунтов, а Марго рассказывала, что Жанин от бабушки достались земли под виноградники в Бордо, которые она сдает в аренду, так что не бедствует. Могла бы и на белье раскошелиться.

Жанин отъехала от тротуара, а я увидел, как чуть озадаченный гарсон поставил мое вино перед подружкой Рауля. Пусть хоть она выпьет и не терзает его ночью разговорами об искусстве, ему это не нужно и даже мешает.

Я направился к машине, мысленно повторяя адрес «Шанхайской Лилии». Проедусь, все равно делать нечего. Наверное, Сюзет права, надо держать салон вечером открытым и взять эту самую вечернюю смену на себя. А то даже не знаю теперь, куда себя девать. Труден и тернист путь честного человека к финансовому успеху и семейному счастью.

На следующем перекрестке я почти уперся в задний бампер бледно-желтого открытого «Рено». Опять Жанин. Где-то задержалась, раз до сих пор отсюда не уехала. Едет в сторону центра. Где-то в аптауне у нее квартирка, насколько я помню, Марго даже хотела меня туда заманить в поисках аморальных развлечений, но я не заманился, проявив твердость духа.

Зачем я сейчас еду следом? От безделья или мне все же что-то нужно? Я совершенно инстинктивно решил за Жанин проследить, хоть и сам не понимаю, какой в этом смысл. Все же что-то отложилось в голове из того, что говорил Краус, ныне покойный не без моей помощи? Немцы ее вроде бы подозревали в связях с советской разведкой, но ведь в финале все оказалось ерундой, так? Грабить аукцион хотели сами германцы, камни уволокли охранники, а Жанин оказалась в числе заложников в доме вице-губернатора.

И все же Жанин тогда была у лорда Бриггса в кабинете, хоть и с несколько нетрадиционной для кабинета целью, и возникла она возле Марго почти одновременно со мной, то есть перед аукционом. Но сейчас мне все это зачем? Да черт его знает, время у меня свободное имеется, вот и проявлю нездоровое любопытство. В качестве мести за то, что она спугнула меня из кафе.

Вообще я думал, что Жанин поедет не домой, а веселиться в какой-нибудь компании. Пусть сегодня и воскресенье, но из ее компании завтра на работу точно никому не нужно. Я даже ожидал увидеть ее встречу с Марго, но Жанин, никуда не сворачивая, заехала в аптаун, на Гринпарк-авеню, и там подкатила к восьмиэтажному дому со швейцаром и синим маркизом над подъездом, припарковав машину на стоянке перед фасадом, причем на персональном месте, насколько я заметил. Я проехал дальше, нашел место в тени и остановился там, выбравшись из машины и наблюдая.

Жанин задержалась, закрывая верх машины, потом, цокая каблуками и покачивая бедрами, направилась в подъезд. Швейцар услужливо распахнул перед ней дверь, она ему улыбнулась.

Ну и что я увидел? Увидел, где она живет. И что с этого? А не знаю. Если бы я сказал об этом Сингеру, то тот бы записал адрес в какую-нибудь свою тайную тетрадку, в которую все записывает. Потому что Сингер рад любой информации о ком угодно. Когда у него ее накапливается много, он собирает некую общую картину, и часто эта картина приводит к неприятностям для того, кто послужил для нее моделью. Так что да, Сингеру говорить ничего не буду. Можно ехать дальше.

Но, кстати, Жанин вроде бы собиралась уехать сразу после выставки, но осталась здесь. Она была знакома с Шиллером-Шапленом и даже свела с ним Полу-Жана-Полу-Мари, чтобы тот затащил агента Маркама в какую-то квартиру. Может, с ней все же не все так просто?

Не успел открыть дверцу машины, как к дому с явным превышением скорости подлетел знакомый красный «Делайе» и затормозил со скрипом покрышек. Я замер. Из машины выбралась Марго, нагнулась, вытащила из салона большой бумажный пакет, из которого торчали горлышки бутылок шампанского, и решительной походкой направилась в дом. Швейцар ее явно узнал, потому что распахнул дверь сразу, а она ему сунула что-то в руку.

Вот как. Девушки явно решили устроить вечеринку. То есть моя мысль материализовалась. Что это мне дало? Опять же ничего, разве что знание о том, что Жанин по-прежнему недалеко от семьи Бриггс и ее отношения с Маргарет Бриггс продолжаются. Ну и лишь бы на здоровье, это давно уже не мое дело. Вот теперь точно поехал к «Шанхайской Лилии».

Рауль достаточно подробно описал место и как его найти. Адреса он не знал, но бордель «Шанхайская Лилия» находился возле «Нью-Луп Отеля» с большим ночным клубом на первом этаже. Клуб я знал, довольно популярное заведение в секторе, принадлежащее какой-то богатой семье из Чикаго, так что и «кошкин дом» нашел легко, он оказался неподалеку.

Пусть и не на центральной улице, но совсем рядом, почти сразу за традиционной китайской аркой из тех, что обозначают границу района. Два китайских фонаря и довольно скромная вывеска освещали место перед подъездом. Вдоль тротуара вытянулся ряд дорогих машин, причем со всех краев привезенных в Новый Каир, от «Кадиллака» до «Мерседеса» и «Бентли». Ну и машин попроще хватало, но все же ни одной дешевой. На противоположной стороне в рядок выстроились четыре таксомотора. То есть место точно посещаемое, и непростой публикой.

Как отсюда можно кого-то увезти? Швейцаров на улице нет, наверняка кто-то за дверью стоит, потому что даже отсюда я вижу звонок и открывающееся окошко. А дверь серьезная, к слову. Но сама улица довольно пустынна, что неплохо. В принципе если правильно одеться и подъехать на краденой машине с фальшивыми номерами, то можно сработать нагло, никто и спохватиться не успеет. Но это если «клиент» будет один, а не в большой компании, тогда уже сложнее. Ладно, придумаем что-нибудь. Компанию и распугать можно, в конце концов. Не думаю, что актер ездит в сопровождении крутых ребят.

А как и куда отсюда ехать? Так, чтобы оторваться от возможного хвоста и полиция сразу не поймала? Лучше переулками, полиция больше главные улицы патрулирует, а вот дальше? Надо везти жертву в какое-нибудь такое место, где страх на нее сам нагонится. Большого и не требуется. Вот и прокачусь. Я тут редко бываю, но в перчаточном ящике лежит карта, так что можно для начала сориентироваться по ней.

Отъехав подальше, я встал у тротуара и зажег свет в салоне. Проще будет смываться через Чайна-таун, пожалуй. Доехать до конца улицы, там свернуть налево и... в принципе тут все как и везде: продольные авеню и параллельные улицы, которые китайцы даже не удосужились переименовать с номерных на именные. То ли не дали им, то ли самим все равно. То есть, стандартный уход «лесенкой», который мы практиковали с Ианом после «скачков», вполне должен сработать. И ехать... да на самую окраину. Вот там у китайцев черт ногу сломит, и полиция туда ездить не любит. Так что в ночное время всегда можно отыскать пустынный проезд между складами и там звезду кино попугать до мокрых штанов и полного выделения информации.

Все, запомнил. Проедусь. И с понедельника подумаю о том, чтобы начать работать по вечерам. Слишком много бестолково бездельного времени у меня теперь образовалось. Лучше машины продавать.

В понедельник утром Сюзет отсыпалась после шоу, а я, как и подобает, к десяти утра поехал на работу. Там меня встретил Дэн, с гордостью передавший подписанный договор.

– Те ребята в пятницу взяли «Плимут», босс. Уговорил за двадцать минут. – Он ухмыльнулся.

– Наличные?

– Конечно. Я в сейф положил.

– Отличная работа, парень. – Я хлопнул его по плечу. Наличные еще и можно провести как продажу со скидкой. – Ты точно станешь в этом городе сэйлсменом года. Ксавье уже здесь?

– Он звонил, сказал, что опоздает на пятнадцать минут. Вон Пол приехал, – показал Дэн через окно на двухцветный «Плимут Бизнес Купе» модели прошлого года, въехавший в ворота на стоянку.

Пол – высокий и худой веснушчатый парень, увидел нас в окне, помахал рукой. Он как раз в субботу здесь дежурил, послушаем, что у него нового. С субботой тоже что-то надо делать, похоже, потому что мы открыты только до двух, а людей приходит много. Но тогда придется нанимать еще кого-то, кроме Мэри, а я пока не уверен, что еще одно жалованье окупится.

– Новости за субботу? – спросил я, едва британец вошел.

– Одна семья каталась на «Крайслере», обещали вернуться сегодня к вечеру. – Пол снял пиджак и повесил его на спинку своего стула. – Но сами понимаете, что могли просто покататься. И внесли депозит за зеленый пикап, должны забрать сегодня.

– Отлично.

У него лондонский акцент с сильной примесью кокни. Говорит быстро, как пулемет, и не всегда понятно для всех, кроме англичан. Но вот на них Пол действует благотворно, они рады встретить своего человека в американском «дилершипе». Дэн любит его передразнивать, а Пол любит передразнивать Дэна с его американской тягучей гнусавостью.

А вон и Мэри, ее кто-то подвез и высадил у самой двери. А Ксавье, кстати, каждый понедельник опаздывает, надо будет ему намекнуть на то, что лучше в воскресенье ложиться спать пораньше. И продает он меньше других, даже французам. Дэн уже раз намекал мне на то, что лучше найти кого-то другого на его место.

– Хорошо, я еду в банк, потом еще в одно место и вернусь, – объявил я, открывая сейф и выживая оттуда конверт с наличными, там уже за две машины набралось. – Дэн, ты за главного. Продавайте. Мэри, когда заедет Уинстон, отдай ему все копии контрактов.

Уинстон – это наш бухгалтер, он навещает нас по понедельникам.

– Хорошо, босс. – Мэри, колыхая задом, бодро просеменила на звонких каблуках в свой загончик, заставив Дэна и Пола задумчиво посмотреть ей вслед, явно целясь взглядом ниже спины.

Банк банком, но сначала мне нужен Цви. Так что еду в еврейский район, это на окраину города, почти к самой Гизе.

Город за окном машины изменился. Вчера вечером он был разгульным, а теперь рабочий. Катят по улицам развозные фургончики с эмблемами оптовых торговцев на бортах, фырчат грузовики, дорогие машины, привычные вечерами, сменились обычными,

принадлежащими конторскому люду. Неизменная толпа у входа в «Блумингдейл», большой универсальный магазин, рядок арабов – чистильщиков обуви со своими креслами у его стены, а в креслах сидят мужчины в шляпах, читающие газеты. За стеклами «дайнеров» еще толпы людей с чашками кофе только расходятся по тем офисам, что начинают работать в десять.

Жара в полную силу еще не навалилась, в открытое окно и через приподнятое лобовое стекло в салон задувает приятный ветерок. Ближе к полудню припечет всерьез. Кстати, единственный черный автомобиль из тех, что мы вынуждены были выставить в продажу, так и стоит почти год, хотя цену снизили уже вдвое. Иан сказал, что надо перекрашивать, пусть это и еще затраты. Не берут здесь черные машины, в них после нескольких часов стоянки на солнце, как в печи.

Еврейский район отделен от основного тела города вклинивающимися промзонами. Если сам город новый и построен недавно, то эта часть Каира старого, просто отрезанного от него в целях «защиты еврейского населения». В Египте евреям и так никто не угрожал, но им оказалось выгодно вот так перебежать через границу со своей территорией и оказаться пусть и в филиале, но Европы и Америки сразу.

Район тут, как я уже сказал, старый, пыльный и выглядит скорей арабским. Все дома за высокими заборами, никуда не заглянешь, узкие проезды, только главные улицы заполнены лавками – от торговли зеленью до ювелирных, какими-то непонятными конторами с вывесками на иврите, кошерными закусочными и бог весть чем еще. Большинство обитателей этого района даже не выбирают никогда за его пределы, тут есть все, что им нужно. А еще тут бьется сердце всей системы подпольных денежных операций, потому что только еврейская диаспора способна переводить и прятать деньги по всему миру без всяких банковских переводов. У арабов есть «хавала», когда почти любые суммы могут быть переведены обычной кодированной телеграммой или телефонным звонком, а у евреев «хавила», то есть «посылка».

Власти стараются вообще не лезть во внутренние дела этого района, потому что разбираться во всех хитросплетениях тут черт ногу сломит, а безобразий здесь почти не случается. Даже еврейские банды в основном образуются в «новых секторах» города, а в этом районе их нет. Поэтому тут вот так все и делается по принципу «шито-крыто».

Двухэтажный особнячок, в котором держит свою контору Цви, расположился сбоку от небольшой торговой площади, рядом с главной синагогой района. Скромное, но при этом капитально выстроенное здание с такими узкими окнами, что им и решетки не нужны, с массивной обшарпанной дверью с окошком-глазком. Никаких машин рядом нет, я так до сих пор и не знаю, водит ли Цви автомобиль вообще.

Пристроив «Додж» у самого входа, я выбрался из машины и, потягиваясь, направился к двери. Стукнул несколько раз бронзовым молоточком, окошко открылось, в нем показалось красноватое круглое лицо с толстым носом, почти до самых глаз заросшее бородой.

– Цви, – улыбнулся я. – Соскучился?

– Платить приехал? – сразу предположил он.

– Цви, это невежливо – начинать разговор с денег, – заявил я, проходя в дверь. – Нет чтобы расспросить о здоровье и семейных делах.

– Поль, если я не буду говорить сразу про деньги, то у меня никакого здоровья на вас не останется.

Я не стал его томить и вытащил из бумажника четыре пятифунтовые банкноты, которые

тут же перекочевали в карман его жилета.

– Так лучше?

– Если бы так каждое утро начиналось. Что-то хочешь взять?

– Да, именно. И у меня есть один вопрос.

– Надо что-то перевести? Ты давно не переводил, – чуть подталкивая меня в спину толстой рукой, Цви провел меня в комнату. Не знаю, как ее называть, гостиной или кабинетом, потому что он здесь вел дела, но на офис комната никак не походила. – Хочешь чаю? Зеленый, только заварился.

– Не откажусь.

– Вон, садись, – указал он на диван.

– А где Шмуэль? – огляделся я.

– В лавку пошел, скоро будет. – Цви поставил на подносик две пиалки и налил в них прозрачного светлого чаю, от которого густо повалил пар.

В этих краях так чай не пьют, но Цви сам говорил, что его кто-то научил. И сам зеленый чай он покупал почтой, тут его и не найдешь в продаже.

– Так что ты хотел? – Он уселся на жалобно скрипнувший диван напротив.

Говорить? Немного страшно, но бизнес Цви заключается в хранении чужих тайн, и пока он вроде бы своих обязательств не нарушал. И у него точно могут быть нужные связи. Правда, эти самые связи внушают чуть меньше доверия, вот в чем проблема.

– Цви, нужно перегранить камень.

– Камень? – Он вскинул густые широкие брови. – Камень или... камень?

– Настоящий камень. С Силой.

– Тебе?

Вот что ответить? Сказать, что «один друг просит»? А Цви не поверит, и разговора не получится. Цви не врет, это его принцип, здесь все на доверии. Если не хочет о чем-то разговаривать, то просто так и заявляет. Финтить самому будет не слишком хорошей идеей. Но камень стоит очень много. И его цена на черном рынке не ниже, а даже выше аукционной, потому что он еще и редкость. Камни не попадают в руки простых смертных. Если не считать камня у Антенуччи, который то ли есть, то ли его нет.

– Мне.

– Я не буду спрашивать, где ты его взял, – сразу сказал Цви, откровенно сторя от любопытства. – Ты хочешь перегранить и продать или оставить себе?

– Я пока не решил. Поэтому просто перегранить. И так, чтобы весь город не начал это обсуждать.

– Ты меня знаешь давно. – Цви вроде как даже оскорбился.

– Но не ты же гранишь камни, верно?

– Один камень?

– Если ты про аукцион, то я его не грабил, – засмеялся я. – Один.

– Он здесь? – Цви показал толстым волосатым пальцем в пол, подразумевая свой подвал.

– Нет, – все же соврал я. – Не здесь. И я не за ним пришел.

– Я знаю пару людей, кто может это сделать и не украсть камень, и при этом не болтать лишнего. Но я не знаю, сколько это стоит.

– А если я решу оставить камень себе или кому-то подарить, что делать дальше?

– Я бы на твоём месте его просто продал. Большой камень?

– Четыре карата.

Не слишком большой. Недаром им пользовался один Шиллер. Силы, которая может в него уместиться, хватит ровно на одного человека.

– Такой камень сам по себе, если не годится для Силы, стоит не меньше двадцати сотен фунтов. – Цви поскреб бороду. – А если он может принять Силу, то умножай на десять. Двадцать тысяч полновесных фунтов. Сто тысяч бумажек с портретом президента Вашингтона. Много, а? Десять процентов я бы взял себе, огранщик из моей доли. Что думаешь? Это я сделать могу.

– А привязать ко мне?

– Ты иногда вообще не пользуешься головой. Если камень огранен, след Силы исчез. Ты сам приедешь к жрецам, и они все сделают. А потом поедешь в Луксор и привяжешь его к себе. Но что он тебе даст? Удачу? Ты же не Антенуччи, чтобы бояться, что тебя взорвут, верно?

– Так у него все же есть камень?

– Есть. – Цви уверенно кивнул. – Потому что за огранкой приходили к моему брату. Так зачем он тебе? На удачу? Двадцать тысяч фунтов уже большая удача, ты сможешь открыть на эти деньги что угодно. Защита от болезней? Если есть деньги, то можно пойти в клинику, где есть камни. А деньги тогда у тебя будут. Я не знаю, чем ты занимаешься, но не уверен, что твои дела стоят своего камня. Я мог иметь камень, я не шучу, – он перехватил мой сомневающийся взгляд, – но отказался. Камень сам станет приманкой, тебя за него убить могут. Или сделай его защитным, тогда не убьют, но зачем он тогда нужен? Тебя и так никто убивать не собирался, пока камня не было. Оставь это большим ребятам.

– Цви, я автоторговец, – засмеялся я. – Если камень поможет продавать машины...

– Ой, ой, вот только этого не надо! – Он даже руками замахал. – Только еврейю об этом не рассказывай. У нашего народа этих камней куча запрятана, и что? Евреи уже правят миром? Перекупили бизнес у Рокфеллера? Разорили и ссужают ему деньги под большой процент? Если там и есть удача в делах, то точно не такая, какую можно разглядеть. А может, и вовсе нет. Никто ведь не знает.

– И кто купит?

– Я найду того, кто купит уже у меня. Про тебя даже не узнают.

– Цви, и тебе при этом не стыдно говорить про десять процентов? – Я усмехнулся. – Хочешь заработать дважды на одном товаре?

– Конечно, хочу. – Он даже удивился такому вопросу. – Дважды дает денег больше, чем один раз. Но ты можешь поторговаться. Пять, – он для верности показал пятерню, – пять процентов. Они пойдут не мне, а моему брату за огранку.

– Я подумаю, Цви.

– Долго?

– Не очень. Принесешь мне мой саквояж? Нужно забрать кое-что.

– Вот если ты автоторговец, – Цви встал с дивана, кряхтя, – то зачем тебе хранить всякое барахло у Цви?

– Жизнь по-всякому поворачивается.

– С этим соглашусь. – И он направился к двери в подвал.

Уехав от Цви, я добрался до первого уличного телефона и дозвонился Сингеру:

– Я взял, что нужно.

– Это хорошо, – ответил он. – Что делаем дальше?

– Найди адреса Монро по своим каналам. А мы сделаем все остальное.

– Постараюсь.

– Я позвоню.

Дальше все же поехал в банк, где положил наличные на счет фирмы. Возить килограмм героина с собой не хотелось, хотя бы потому что противно, поэтому я дозвонился до Иана и встретился с ним у «Гаража Хупера». И там мы упрятали пакет в подвеску разбитой машины, стоящей на заднем дворе, ждущей ремонта, который затянется надолго. Не забыли протереть пакет бензином, чтобы точно стереть с него все отпечатки, которые могли остаться.

– Что дальше делаем? – спросил он.

– «Олдс» уже взял?

– Вечером. Переделывать ничего не будем, просто номера сменим, все равно его бросать.

– Костюм купи, как у «умника», и шляпу. А то я тебя знаю, приедешь в комбинезоне.

– Дерьмо твой костюм, – вздохнул Иан. – Галстук ты мне завяжешь. Кстати, кто вообще придумал одеться в сраные костюмы?

– Ладно-ладно, не начинай. Ты придумал. Забыл? Завтра с утра с Раулем встретиться надо, обсудим все. Я сегодня домой пораньше, прикрой меня на работе, если что. Сюзет – выходная.

– Да, теперь у тебя все не как у людей, – махнул он рукой. – Сегодня и завтра?

– Верно. Я с утра заеду, а дальше ты один за всех. Мне еще в газету нужно успеть, текст объявлений сменить.

– Ну-ну, посмотрим.

Мне нужно даже в две газеты и на радио, но сегодня начну с «Вечернего курьера», благо до него отсюда недалеко, как раз по Четырнадцатой до центра и считай что на месте. На этом с Ианом и разъехались.

В редакции, в отделе объявлений провел почти час, общаясь с молодым парнем в конторском козырьке, нарукавниках и круглых очках, добившись того, что новое клише вытравят уже сегодня, а завтра объявление пойдет в номер, и выписал чек за внесение изменений. И уже потом, позвонив с улицы Сюзет, сообщил, что лечу домой.

Сюзет оказалась дома не одна. Там же я встретил огненно-рыжую белокожую девушку, с которой Сюзет пила кофе в гостиной. Гостья несколько смутилась при моем появлении.

– Поль, знакомься, это Нив, моя подруга по «Крейзи Хорс». – Сюзет обняла меня, словно попутно желая удержать, на случай, если я брошусь на эту самую Нив. – Нив, это Поль, мой молодой человек. Мы совершенно случайно встретились, представь? У нас закончился кофе, и я побежала в лавку через дорогу. И там ее увидела.

– Очень приятно, Нив, – поздоровался я, изобразив самую доброжелательную из своих улыбок. – Интересное имя, никогда раньше не слышал.

– Это старое ирландское, означает «сияющая» или «блистающая». – Нив поднялась навстречу. – Мне тоже очень приятно, рада за Сюзет.

Имя точно ирландское, потому что акцент у девушки почти эталонный для Зеленого Острова. А так приятное кругленькое лицо, курносая, большие зеленые глаза и очень белая кожа. Кстати, зря считают, что среди ирландцев много рыжих, это скорее британский тип. Бледная кожа там распространена, но при этом чаще всего сочетается с черными волосами, кто бы что ни думал.

– Имя подходит к цвету волос, – снова улыбнулся я.

– Я пока не встречала ни одного человека, который бы сначала не спросил, что это за имя, а потом не сказал ничего про мои волосы, – засмеялась она. – Боже, но я в шоке с тех пор, как узнала, где танцует Сюзет, – сменила она тему. – Все девчонки у нас теперь обзавидуются.

Вообще она довольно неплохо одета для девчонки из кордебалета. Хороший браслет с изумрудами на руке, подходящий кулон, бледно-зеленое платье из дорогого крепдешина, стянутое пояском из крокодиловой кожи. Шляпки нет, но даже заколка в волосах не из дешевых. Кольца на пальце не вижу, так что можно заключить, что Нив как-то в жизни пристроилась, если у нее, конечно, не богатые родители. Но богатые родители точно позаботились бы о том, чтобы дочь не танцевала в кордебалете.

– Сделать тебе кофе? – спросила Сюзет.

– Я сам сделаю, болтайте спокойно. Могу еще и вам предложить.

– Нам достаточно, Поль, – сказала Нив. – Мы уже по три чашки, наверное, выпили, у меня сердце стучит. – Она положила ладонь на то самое место, где, по ее мнению, располагается сердце.

– Тогда я себе сделаю, не буду мешать.

– Ты нам не мешаешь. – Сюзет чуть возмутилась. – Я Нив столько о тебе рассказывала.

– Она не врет. – Нив показала на Сюзет пальцем. – Если бы ты все слышал, что она говорила, то ужасно возгордился.

– Спасибо, дорогая. Ладно, я делаю кофе.

Девушки болтали в гостиной, а я варил себе кофе по арабскому рецепту, неторопливо и с чувством. И думал о том, что сказал Цви. В чем-то он прав. В чем именно? Хотя бы в том, что камень придется прятать. Его захотят украсть, а может, даже и снять с мертвого тела. Антенуччи носит камень, который его защищает. Камень, что я снял с Шиллера, показывал тому то, что угрожает хозяину. И насколько Шиллеру это помогло? Я разрядил в него магазин из «кольта», а камень теперь у меня.

Я – торговец. Больше не взломщик, а просто торговец. Сюзет выступает в шоу. Для чего камень ей? Приносить успех? Тогда ей придется его не снимать, и тогда все о нем узнают, и рано или поздно просто украдут. Или случится что-то еще хуже. Стоит ли сценический успех такого риска? Как-то не уверен.

Двадцать тысяч фунтов, сто тысяч долларов. Это если Цви не врет, я бы еще и проверил, может, там больше. Что можно сделать за эти деньги? Можно купить хороший отель, например. Или клуб. И тогда да, камень уже принес удачу, можно сказать.

Нет, я еще ничего не решил, но в словах Цви есть определенный смысл и даже мудрость. Камень – приманка. Зачем носить на шее приманку? А если держать его в сейфе, то он не работает. А если надевать только изредка, то окупится ли это? Я не играю в казино, к тому же в казино есть свои камни и способы находить их у клиентов.

Как проверить настоящую цену? Кто еще может подсказать? Надо подумать. Искать контакты через Сингера не хочется на самом деле.

За окном послышался звук автомобильного клаксона.

– Может, все же кто-то будет кофе? – предложил я еще раз на всякий случай.

– Нет, нет, я точно не буду. – Нив встала с кресла. – Это за мной, я все равно уже собиралась уходить.

Она схватила сумочку, расцеловалась с Сюзет, помахала мне рукой и выскочила за дверь.

Я посмотрел в окно. У тротуара стоял белый «Обёрн Спидстер» с откинутым верхом, за рулем которого, свесив локоть, сидел средних лет мужчина в дорогом светлом костюме и панаме, больше всего похожий на не самого рядового мобстера. Резаный шрам на лице и сломанный нос только подтверждали первое впечатление. Нив подбежала к машине, распахнула пассажирскую дверь и уселась рядом. Они поцеловались. Ну вот, собственно, и раскрыт секрет ее процветания.

– Нив – самая лучшая из всех, с кем я работала. – Сюзет подошла сзади и обняла меня. – Самая добрая из всех девчонок. Золотое сердце, даже не верится в то, что она могла там существовать.

– Кто-то уже оценил ее доброту, – усмехнулся я, показав за окно.

– Да, она рассказала, что встречается с одним парнем, который крутит всякие темные дела.

– Ирландец?

– Конечно. Полли его зовут. У него какой-то клуб в американском секторе, на Тридцать Шестой. Она нас туда приглашала.

Что-то знакомое, где-то уже проскакивало. Точно, Полли Боксер О'Хара, рулит бригадой ирландского аутфита и держит клуб «Грин Корк» как раз на Тридцать Шестой, я про него от Рауля слышал. Рауль им тоже свои железяки продает, а тот еще и с фениями дела ведет. Когда-то О'Хара претендовал чуть ли не на чемпионский пояс в легком весе, но потом перевел стрелки и покатил по другим рельсам. А про сам клуб я и раньше слышал, там ирландских бандитов полным-полно, чуть не половина посетителей.

– Ну, если ты любишь темное пиво, много пьяных вокруг и хоровое пение, то можем сходить.

– Ты там был?

– Просто слышал, Рауль был. Совсем ирландское место. Я там никого не знаю. Кстати, я на сегодня все дела закончил. Какие у тебя планы?

– Никаких, я тебя ждала. Предлагай.

– Вечером можно поехать в «Ритм-энд-Басс» потанцевать, если ты не натанцевалась еще.

– Ты меня знаешь, я не натанцуюсь никогда. И я люблю свинг. Пока отдохнешь? Я тебя накормлю.

– Даже так?

– Даже так. Я купила форель и хорошее белое вино. Отдыхай пока.

Я повернулся и поцеловал Сюзет в губы.

– У нас еще много времени, хватит и на форель.

Светлая идея пригласить еще и Рауля пришла в голову Сюзет. Обаятельный и бесшабашный испанец нравился всем, в том числе и ей, ну а мне только лучше. Встретились мы возле клуба, подъехали одновременно, и я поставил свою машину возле его бежевого «Ситроена». Рауль как раз открывал пассажирскую дверцу, выпуская из машины уже знакомую высокую худую блондинку.

– Знакомьтесь, это Керри, она из Филадельфии, но долго жила в Париже, – представил он ее. – Мои друзья, Сюзет и Поль.

– Вы художница? – спросил я. – Рауль о вас рассказывал.

– Если можно так сказать, – заулыбалась она. – Я недавно закончила академию искусств

Пенсильвании и, скорее, пытаюсь быть художницей.

У нее было очень худое и узкое лицо с тонкогубым ртом и чуть вздернутым тонким же носом, которое вроде бы и не должно быть красивым, но все равно оставлявшее на удивление приятное впечатление. То ли улыбка очень хорошая, то ли глаза очень уж восторженные, но я понял, почему художница понравилась Раулю. Подробности их личной жизни лучше опустить. Светло-голубое платье туникой, массивный золотой браслет на руке, чуть завитые короткие волосы, никакой шляпки. Складная, хоть и совсем худая.

– Как вам жизнь в Париже?

– Я там всего год провела, после чего меня заманили сюда.

– Жалеете?

– Ни капельки. Мне здесь нравится. И это первое место, где я совсем не мерзну. Я жуткая мерзлячка.

Сюзет взяла меня под руку, и мы направились в клуб. Я блеснул предусмотрительностью, заказал столик заранее, в хорошем месте, откуда и музыкантов хорошо видно, и куда танцующие не дотягиваются. Если сидеть близко к дансингу, то есть риск подавиться напитком или вылить все на себя, когда в тебя в очередной раз кто-то врежется.

Сегодня играл какой-то новый квинтет, а если верить афише, то приехавший из Чикаго. Явно джазовый, но джаз, как я уже говорил, много денег не приносит, так что играли все больше свинг, переходя на импровизации лишь во время пауз для танцующих. В зале было шумно, накурено, но, в общем, весело. Я даже похвалил себя за то, что догадался надеть самый легкий костюм, потому что наплясался сам. Хочешь не хочешь, но если пришел с Сюзет, то танцевать будешь.

Керри была вся в Рауле, смотрела на него влюбленными глазами. Надо будет как-нибудь уточнить, кем он представился романтической художнице из Филадельфии. Не то чтобы это важно, но все же интересно.

– Вы здесь пишите? Выставляетесь? – Я активно поддерживал светскую беседу.

– Мои картины висят в паре частных галерей во французском секторе, но популярной я пока не стала, живу на деньги папы с мамой.

– Влились уже в местную богему?

– Надеюсь, что да, – она в очередной раз улыбнулась, открыв чуть неровные белые зубы. – Я, можно сказать, примкнула к кругу учеников Фернана Леже. Знаете такого? Его скульптура «Восход»^[4] стоит прямо перед Дворцом собраний.

– Я знаю, кто такой Леже, – проявил я эрудицию. – Две странные обнаженные женщины с веточкой под названием «Танец» – это его работа, верно?

– Прекрасно, да? – Керри восхищенно всплеснула руками. – Настоящий шедевр, сколько экспрессии.

Я что-то хрюкнул в ответ, пытаясь найти экспрессию и шедевральность в двух расплывчатых, словно срисованных с пластилиновой детской поделки фигурах. Потом все же не удержался и спросил:

– Скажите, я всегда хотел спросить у художника-авангардиста, но никогда не получалось: а просто кошечку или лошадку вы написать можете? Чтобы как настоящая?

Сюзет чуть толкнула меня локтем, но Керри не обиделась:

– Конечно! – Она широко открыла светло-голубые глаза. – А как бы я еще закончила академию? Но классическое искусство отстало от жизни, люди, живущие в современном

темпе, мыслят совсем другими образами. Бешеный темп жизни меняет мировоззрение, именно так возникли импрессионисты, то есть те, кто вместо предметов дает видеть впечатление, *impression*. Фернан Леже с другими кубистами пошел дальше, он словно встраивает весь окружающий мир в новые формы... – тут я понял, почему Рауль предпочитает ее молчащей, и даже пропустил мимо ушей изрядный кусок лекции, – ...цвета, настроение – все позволяет видеть мир не таким, какой он есть предметно, а в виде... ну, как бы тех ощущений, которые он нам дает.

Рауль подавил зевок и приложился к джинну-и-тонику, но Сюзет вроде бы даже поощрительно улыбалась.

– Вы застали здесь большую выставку под покровительством Леже? – перебил я ее, потому что речь грозила сильно затянуться.

– Да, я как раз приехала с ней. Нет, не выставилась, – сразу пояснила она, предупреждая возможный вопрос, который я на самом деле задавать не собирался. – Но выставились мои друзья.

– Я как-то встречал организатора выставки, гм... Роже... Роже Шаплен, кажется. Мельком.

– Очень приятный человек, но он трагически погиб в последний день. Слышали?

– Нет, а что случилось?

– Автомобильная катастрофа, насколько я знаю. Погиб он и еще один рабочий с выставки.

Все верно, власти предпочли реальность не афишировать и даже в прессу ничего не просочилось о том, что произошло на вилле вице-губернатора. «Оазис» все же умеет скрывать свои секреты, и даже полиция не проболталась репортерам.

– Ужасная трагедия, – кивнул я, вызвав кривоватую усмешку у Рауля. – Мне он показался очень приятным человеком.

Вот очень подмывает расспросить ее о Жанин, но делать этого не стоит, тогда и до самой богатой наследницы из Франции может дойти информация обо мне. Надо бы Рауля попросить, пусть разок повернет Керри лицом к себе и поговорит, а дальше как хочет. Не знаю, зачем это мне сейчас, но есть некое ощущение того, что за спиной осталось... нечто. Может, опасность, а может, просто незавершенное дело. Все же я сам застрелил и Крауса, и Шаплена-Шиллера, так что это все может как-то аукнуться, боюсь. Пусть даже то, что произошло в доме Аллистера Бриггса и хранится в тайне.

– Сюзет! – Керри явно осенило какой-то идеей, так резко она вскинулась. – Я хочу написать вас. В сценическом наряде.

– Меня? – Сюзет удивилась. – Зачем? А можно сначала посмотреть ваши картины?

Умница моя. Это было первой моей мыслью предварительно показать ей шедевры Керри. Если они именно такие, как их описал Рауль, то не думаю, что Сюзет придет в восторг от подобной идеи.

К среде Иан загнал в склад краденый «Олдсмобиль» – крупный серый седан с багажником и рядным восьмицилиндровым двигателем мощностью в сто лошадиных сил. И уже повесил на него фальшивые номера.

– Не сломается в самый неподходящий момент? – спросил я.

– Не, колеса почти новые, тридцать шестого года модель. Покрышки свежие, – он постучал ботинком по колесу, – движок работает как сраные часики. Я даже думаю его потом перепилить и перекрасить, сделать легальным.

– Продать?

– Не знаю. Пусть стоит на всякий случай. Или продать. Всякая сраная шпана такое любит.

Это да, основной рынок сбыта Иана в основном мелкие гангстеры, они меньше всего вопросов задают и сами знают, что им досталась за машина. Ребята покрупней краденые колеса уже не любят, на них можно погореть. Хотя машины Иана пока ездили без проблем, насколько я слышал, перебивать номера он умел.

– Пока точно пусть стоит, – пожал я плечами. – Ты костюм приготовил?

– Заехал вчера в «Блумингдейл», купил что-то в сраную полоску. И шляпу, не спрашивай! – не дал он мне продолжить. – Буду выглядеть как сраный гинни из Маленькой Италии.

Не уверен, что Иан так будет выглядеть, но ему за рулем сидеть, сойдет. Остальное на нас с Раулем.

– Чей он?

– Хозяин в «Золотом Американском» работает, так что не жалко, – Иан усмехнулся. – Страховку получит.

– Черт с ним. В общем, ждем сигнала, у нас тоже все готово. Ладно, я в офис, мы сегодня допоздна открыты.

Иан и так знал, что я в офис, потому что мы выехали сюда вдвоем из дилерского гаража и он меня подвез. На «Плимуте», разумеется, причем не «делюксе», а «бизнесе», попроще и подешевле. Мы теперь все на «Плимутах», ну, кроме меня. Когда я взял «Додж», Иан не удержался, обвинил меня в желании изобразить из себя невесть что, а я тогда просто ценой соблазнился.

Он высадил меня прямо у двери и сам поехал дальше, на гаражную территорию, а я направился в офис.

– Дэн, что у нас?

– Две машины ушло, считай. – Дэн, сидящий с ногами на столе, выглядел довольным. – Одна моя и одна Ксавье.

Ксавье, невысокий молодой француз с набриолиненными волосами, одетый против всех законов местного климата в темный костюм, стоял у картотеки и копался в каких-то бумагах.

– Что ушло?

– Голубое «бизнес-купе», – повернулся ко мне он. – И Дэн подписал пикап.

Пикапы тоже скоро закончатся, надо еще брать. Но при этом, похоже, мы самое позднее к октябрю выберем годовую дилерскую квоту, и дальше пойдут бонусы. Если, конечно, «Крайслер» их в последний момент не отменит, потому что продажи подскочили по всему

рынку.

– Пол на радио?

– Да, повез им чек за новую рекламу, – сказал Дэн.

Если куда надо ехать, сэйлсмены делают это по очереди, чтобы возможность не получить комиссионные распределялась между всеми равномерно. Вообще-то лучше Мэри повысить жалование и посадить ее за руль, пусть сама катается, а те, кто должен продавать, – пусть торгуют.

– Дэн, решите между собой, кто будет позже приходить и дольше оставаться. Мне все равно, как вы сделаете, по графику или постоянно. Но кто-то здесь должен быть вечером со мной. Мэри! – позвал я, и секретарша немедленно выглянула из своего загончика. – Заказ на машины готов?

– Да, еще вчера утром закончила.

– Дай мне, потом сдашь в почту. – Я направился уже в персональную каморку, в которую тут же следом влетела Мэри, старательно виляя задом.

Я не слепой и вижу, что Мэри явно рассчитывает получить прибавку к жалованию самым простым и, на ее взгляд, логичным способом. Отсюда и такая подвижность в области таза и низкие не по времени дня вырезы, открывающие вид на две увесистые дыни внутри. По идее бы надо ей поставить на вид и заставить носить нечто более официальное, но я заметил, что такой ее наряд и на клиентов мужского пола действует хорошо, а их у нас подавляющее большинство. Так что пусть так ходит. Если бы закон позволял и можно было бы завести здесь секретаршу в наряде из бурлеска, мы все бы распродали давно.

А вот печатает она без ошибок, реально. И вообще толковая. И машину водит, я видел.

– Мэри, хочешь дополнительный фунт в неделю и беспроцентную рассрочку на машину?

Мэри чуть опешила.

– А что надо делать?

– Делать все то, что делают Дэн и остальные, когда не торгуют. Банк, реклама и прочее.

Мэри сделала вид, что задумалась, встав в позу примерной ученицы и сложив руки перед собой, по привычке покачала бедрами. Потом вдруг выпалила:

– Конечно, согласна, босс.

– Значит, договорились. Знаешь серое «купе» прошлого года? Мы снизили на него цену до шестидесяти двух фунтов, так что рассрочка на него на два года.

Не знаю, что она ожидала, «Крайслер», что ли, но остальные машины должны приносить прибыль, а эта зависла. Но и цена в два раза снизилась.

– Если не нравится, то возьми другую. Но будешь платить больше, потому что все равно два года. И будут проценты. – Я посмотрел ей в глаза. – Хорошо, я еще десять процентов с цены скину.

– Я возьму «купе», – тут же решила Мэри. – А еще я могу оставаться с вами вечером, босс. Или даже в субботу.

Кто бы сомневался. Но этого тут точно не требуется.

– Не нужно, мне вечером продавать надо и только. Насчет субботы подумаем.

Вообще-то ей сверхурочные на те же выплаты за машину нужны. Но все же это временно, надо что-то решать с постоянным секретарем на субботы.

– Тогда я могу идти? – спросила она, невинно похлопав глазами.

– Давай. Сама все оформи и мне принеси на подпись.

Она повернулась, зад колыхнулся и ритмично задвигался в сторону двери под цокот

каблуков по плитке. Глаза у меня все же поднялись и на этом движении зафиксировались. Хочешь не хочешь, но вот так получается.

Дальше пошел обычный день. Счета, множество каких-то предложений из почты, из которых редко что-то полезное вылавливаешь, но все же иногда случается, так что я взял за правило просматривать все письма. Пол подошел с вопросом о возможной скидке на «Крайслер». Я подумал и сбросил три процента. Потом, когда он снова вернулся, скинул пять. Если «Плимуть» разлетаются, то с «Крайслером» проблем больше, неудачная прошлая модель здорово ударила по продажам. На мой взгляд, она просто опередила время, машина великолепна, но покупатель это не оценил и испугался. А очень похожий по стилю «Пежо» продавался хорошо, кстати.

Потом, часов в пять, позвонил Рауль:

– Кил дал знать, что твой Милланд зарезервировал столик в «Шанхайской Лилии» на сегодняшний вечер. На десять.

– Понял. Звоню Иану.

Началось. Как-то вроде и нет настроения влезать обратно в криминальную жизнь, но с другой стороны... жизнь автоторговца слишком разнообразной не назовешь. И вот некое возбуждение снова пришло. Я ведь всем этим занимался не только и даже не столько из-за денег, а потому что... да потому что это было весело и интересно. Азарт, волнение, предвкушение чего-то эдакого... Игра, в общем, только ставки в ней слишком высоки для моей нынешней жизни. Непозволительно высоки.

Зато мне сегодня не пришлось объяснять Сюзет, куда же я направился вечером. Оделся как подобает парню из «аутфита», то есть в легкий серый костюм в полоску и кричащий галстук, водрузил на голову легкую светлую «федору», глянул на себя в зеркало – стиль соответствует. Вместо «сэвиджа» прихватил короткий револьвер «кольт детектив». Стрелять не собираюсь, но если вдруг придется, то пусть не остается гильз и мягкая свинцовая пуля обычно плющится до неузнаваемости.

Все, готов. Спустился вниз, выехал на своем «Додже» в наш «дилершип», оставил его на стоянке, а там подсел к Иану в «Олдс». Иан в костюме и шляпе тоже вполне тянул на гангстера, если в темноте смотреть и не вглядываться.

– Ты за рулем, вообще не выходи, чтобы нам времени не терять, – сразу объявил я.

– Вы там не облажайтесь, тогда и выходить не придется. Поехали. – Он воткнул передачу.

Оттуда поехали в центр, где посадили Рауля. Он образу вполне соответствовал, вполне себе походил на сицилийца. Оттуда покатали в сторону «Шанхайской Лилии», надвинув шляпы пониже, чтобы тень скрывала лица. И оказались на месте в половине десятого, просто поставив машину в ряд с другими у входа в бордель. Может быть, получится, не теряя времени, перехватить Милланда прямо на входе. Может быть, потому что его самого мы видели только на афише и понятия не имели, на какой машине он подъедет и в какой компании. Я только в одном уверен, что компания будет мужской, если она вообще будет, так что ранить чувства дам нам не придется.

Машин пока еще не очень много, рано для борделя, наверное. На стоянке такси всего два автомобиля, «Шеви» и «Ситроен», шоферы стоят рядом, курят и болтают. Через две машины перед нами у длинного «Паккарда» стоит шофер в форме, пытается читать газету под фонарем. Вот из клуба вышли двое мужчин в шляпах, виду трезвого, сели в белый автомобиль

и уехали. Больше похоже на то, что по каким-то своим делам заезжали, не клиенты.

Иан закурил, выдыхая дым в окно. Подъехал таксомотор, мы насторожились, но из тех людей, что из него выбрались, на Милланда не походил никто. Мимо.

– Может, он уже там? – спросил Иан.

– Кил дал бы знать, вышел на улицу, – ответил Рауль. – Он уже там.

– Кил или этот торчок-актер? – уточнил наш водитель.

– Кил.

– Ну-ну. Сколько ни пытался иметь дело с ирландцами, вечно все не так, потому что напиваются не вовремя.

Рауль только хмыкнул в ответ, не считая необходимым вступать в полемику с нашим британцем. Но некая доля правды в словах Иана есть. Даже самый легендарный главарь ирландских бандитов из Нью-Йорка был зарезан во сне, когда сицилийцы, с которыми у них тогда шла настоящая война, обнаружили его спящим в баре. А до этого к нему даже подходить боялись, потому что тот всегда носил с собой два пистолета и очень хорошо и быстро стрелял. Даже во время Великой войны успел стать героем. Так что да, ирония Иана не то чтобы совсем беспочвенна.

– Рауль, а как та испанка, с которой ты был в клубе? Не застучала тебя с Керри? – поинтересовался я.

– Застучала не с Керри, – Рауль поморщился. – С другой девкой, с которой мы разбежались в тот же вечер. Даже не было ничего.

– То есть не в спальне?

– В клубе. Устроила сцену и ушла. А та оказалась такой дурой, что я ее отвез домой и сам уехал.

– Как-то обидно получилось.

– Да плевать.

– Когда-нибудь одна девка тебя просто зарежет, – прокомментировал Иан.

– Я быстро бегая. И раз даже выпрыгнул с третьего этажа. Ногу ушиб, правда.

– Со страху?

– Она была замужем. Просто сохранил честь дамы. Муж так ничего и не заметил.

– А кто был муж?

– Казначей мэрии Марсея. Его потом погнали с должности, и сейчас у него отель и три ресторана. А жену он поймал с другим через месяц, но они по-прежнему вместе.

– Хорошо что я не женат, – заключил Иан. – И жениться не собираюсь.

– В бордели ходишь?

– Когда как, – ответил он уклончиво.

Личная жизнь Иана вообще не предмет обсуждений. Она у него есть, я точно знаю, но обсуждать ее он не любит, а я не люблю задавать лишние вопросы. С кем-то он встречается, причем давно, но больше ничего на сей предмет я сказать не могу. Но в бордели тоже ходит.

– Если ходить в бордели постоянно, то получается чистое разорение, – объявил Рауль. – И никакой любви.

– С твоей любовью все в клубах оставишь.

– У Иана любовь с автомобилями, – вставил я. – Остальное только отвлекает.

– Если бы у меня не было сраной любви к машинам, то вы бы тут пешком топтались, а потом тащили сраного Милланда до доков за руки.

– Я же не утверждал, что мы тебя не ценим.

– А если цените, то заткнитесь, – подвел итог беседе Иан.

Еще минут пятнадцать просидели молча, пока к подъезду клуба не подъехал наемный лимузин, остановившийся прямо напротив входа.

– Внимание, – сказал я, чуть подавшись вперед и схватившись за ручку двери.

Шофер лимузина выскочил из-за руля, обошел машину и распахнул пассажирскую дверцу. И первым оттуда появился молодой человек с очень знакомым лицом, следом кто-то незнакомый и уже за ним, оправляя пиджак, выбрался Милланд.

– Черт, черт! – выругался я. – Черт бы побрал этого Уильяма!

– Что? – насторожился Рауль. – Знакомый?

– Да, именно. Может узнать... Первым идет.

Да, черт бы его побрал, тот самый Уильям, сын владельца «Луксор Лайнз», кавалер Жанин, с которым она тогда занималась любовью на столе в кабинете лорда Бриггса в то время, когда я прятался под этим самым столом.

И что делать? Быстро соображай, быстро, пока они не вошли в дверь и топчутся у машины. Уильям выдает шоферу чаевые, но сейчас они пойдут дальше. Ладно, шляпу еще ниже, фонарь сверху, тень на лице, плюс я те идиотские усики давно сбрил.

– Значит, так, даем им войти в дверь, Милланд последний. Я выдергиваю его, а ты загоняешь остальных внутрь. Пошли! Иан, подъезжай прямо к лимузину!

Мы с Раулем одновременно выскочили из машины и быстрым шагом, почти бегом, направились к подъехавшей компании, которая между тем потянулась ко входу в бордель. Или все же клуб? Если в одном месте одновременно то и другое, как лучше называть подобное заведение в общем? Все же бордель, я думаю.

Голову чуть ниже, я даже лиц их почти не могу разглядеть из-под полей «федоры», надо было носовым платком низ лица закрыть, но тогда они скорее испугались бы и могли кинуться бежать. Кто с ними третий?

Дверь в бордель распахнулась перед посетителями, за ней показался рослый пузатый китаец в странной куртке и широких шароварах, комплекцией больше похожий на японского борца, специально откормленного. Широкое как блин лицо с узенькими щелочками глаз. Сначала он смотрел на входящую в двери компанию, но когда мы оказались рядом, переключил свое внимание на нас.

– Где деньги, cornuto?^[5] – заорал я, хватая Милланда за пиджак сзади и выхватывая револьвер. – Где наши деньги, fanook?^[6] Я тебе ноги переломаю!

При этом я старательно, насколько получалось, имитировал итальянский акцент, не знаю, насколько правдоподобно получалось, но обычно у меня акценты неплохо выходят. Пусть думают, что Милланд, понятно, кому задолжал, может, даже за героин.

Рауль же, размахивая оружием, толкнул одного из них, незнакомого, в спину так, что тот полетел вперед, столкнувшись с Уильямом, а тот в свою очередь врезался в массивного китаецца. Но китаец не дрогнул, Уильям отлетел от него как от скалы, а привратник даже сделал шаг в нашу сторону, умудрившись еще и достаточно аккуратно отодвинуть в сторону наследника пароходства.

– Какие деньги? – заверещал Милланд. – Вы меня с кем-то...

Грохнул выстрел, пуля пробила открытую створку двери рядом с китаеццем, ударив в стену, тот теперь сам словно на стену наткнулся.

– Стой где стоишь, gidrul!^[7] – заорал я. – Capish?^[8]

Пальнул Рауль, но теперь и я навел револьвер на китаецца, который совершенно расхотел

вмешиваться, а просто замер на месте как статуя. Я потащил Милланда за собой, мотая из стороны в сторону, не давая тому обрести равновесие, а Рауль не отказал себе в удовольствии пнуть в задницу третьего из той компании и тоже начал сдавать назад, продолжая держать на мушке дверь и оглядываясь по сторонам.

Болтавшие таксисты присели за своими машинами, но при этом осторожно выглядывая из-за них, шофер с газетой исчез вовсе, а водитель лимузина, уже садившийся за руль, замер с открытым ртом. Наш «Олдс», скрипнув тормозами, встал прямо за его машиной, и я даже успел с удовлетворением отметить, что лица Иана не видно совсем, только темный силуэт под полями шляпы.

– Эй вы, ублюдки! – Звонкий женский голос разнесся по тихой улице как сирена. – А ну свалили отсюда, быстро, или я вам головы снесу!

Из-за широкого массивного силуэта китайца появился еще один, куда меньший и куда более яркий, красный и золотой, подчеркнута женский, да еще и с глубоким декольте. При этом обладательница впечатляющего бюста держала в руках двустволку со спиленными стволами, не целясь пока, впрочем, ни в кого конкретно, потому что не знала, кто тут враг и кому она собирается сносить головы.

За это время я успел доволочь насмерть перепуганного Милланда до машины, а Рауль, не отводя прицела от входа в бордель, распахнул перед нами заднюю дверь. Милланд попытался было упереться, но я упер короткий ствол револьвера ему в ребра и заорал:

– Полежай внутрь, fапooк, или я тебя прямо здесь замочу!

Дама вскинула ружье, но стрелять не решилась, дробью из такого огрызка всем прилетит. Китаец совершенно неожиданно достал откуда-то из-под куртки здоровенный револьвер и навел его на нас. Отпустив Милланда, я выстрелил в красный фонарь над входом и попал удачно, прямо в лампочку, потому что свет погас, а на китайца и даму посыпалось красное стекло.

– Vaffangul, schifosa!^[9] – применил я уже запрещенный прием, может, даже и зря.

Дама, оскорбленная, к слову, вполне себе незаслуженно, как я успел разглядеть, злобно взвизгнула и пальнула в ответ дуплетом, из обоих стволов. Гроыхнуло, как из пушки, но прицел она взяла не то чтобы точный, так что в результате высыпалось заднее стекло лимузина. Милланд, вместо того чтобы бежать, присел и закрыл голову руками, зато в бегство обратился шофер лимузина, который понесся вдаль по улице, призывая полицию.

Рауль сграбастал актера и все же запихал его на заднее сиденье машины, но в это время из-за руля выскочил Иан с дробовиком и выстрелил в фонарь над нами, а потом, еще раз, в стену борделя над подъездом, выбив из нее облако штукатурки. Уильям с приятелем бросились внутрь, снеся даму с ружьем, а китаец, дважды выстрелив неизвестно куда, рванул следом за ними, заталкивая всех в безопасность бордельного холла.

Я заскочил на переднее сиденье «Олдса», захлопнув дверь, Рауль между тем затолкал Милланда между рядами сидений, поставив на него свои ноги, а Иан, швырнув свой укороченный «винчестер» мне, плюхнулся за руль и врубил скорость. Мотор взревел, машина сорвалась с места, набирая скорость, и тут же совсем рядом взвыла полицейская сирена.

Сине-белый «Шевроле», скрипя покрышками и мигая красными фонарями, вкатился в узкую улочку навстречу нам. Иан рванул руль вправо, машина качнулась, чуть не встав на два колеса, но все же разминулась с летевшим почти что нам в лоб полицейским автомобилем, а дальше наш водитель еще прибавил газу и выскочил на широкую улицу, заложив крутой вираж налево, прямо на дальнюю полосу, чудом разминувшись с парой отчаянно

засигналивших автомобилей.

– Давай, давай быстрее! – крикнул сзади Рауль.

– Ты меня поучи еще! – огрызнулся Иан.

«Олдсмобиль» разогнался чуть не до максимальной, лавируя в потоке как лыжник между флажками, я оглянулся – красные фонари сверкали сзади, но пока еще далеко. Улица у борделя узкая, патруль наверняка не смог быстро развернуться. Но с сиреной они могут ехать быстро, машины расступаются перед ними.

Милланд начал было кричать, но Рауль успокоил его оплеухой. Я быстро заменил пустые гильзы в барабане «детектива» патронами, потом дозарядил дробовик, поставив его между коленями прикладом вверх.

Мотор ревел, машина скрипела покрышками, меня направление каждую секунду, где-то сзади завывала полицейская сирена. Подрезав какое-то такси, Иан заправил «Олдс» в поворот. Мы влетели в узкий переулок, прямой как стрела, замелькали вывески на китайском языке – мы уже в Чайна-тауне. Остается надеяться, что Иан знает, куда ехать, потому что в этом районе черт ногу сломит. Когда в заднем стекле отразились всполохи красного, он снова свернул направо и тут же налево, опять прибавив газу. Звук мотора эхом отдавался от стен, какой-то припозднившийся китаец в черной пижаме бросил тележку, которую толкал, и отскочил в подворотню. «Олдсмобиль» поддал ей под ручки, заставив завертеться на месте, роняя груз, под колесами что-то прогремело.

Опять поворот, опять налево, звук сирены вроде бы отстал, но могли и просто стены его ослабить, так что радоваться рано. Фонари в переулке почти не горели, в свете фар мелькали окна, стены, столбы, кучи каких-то ящиков у стен.

– Тормози! – заорал я.

Иан ударил по тормозам, машину со скрипом пронесло юзом. Я выскочил на улицу, подбежал к штабелю ящиков и потянул его на себя. Те без усилий обрушились на тротуар и проезжую часть. Я кинулся обратно к машине, вдали снова замелькали красные огни.

– Гони!

Мотор снова взревел, «Олдс» рванул с места.

– Направо давай! – крикнул я, увидев перекресток.

Иан лишь кивнул и быстро закрутил руль. Снова крен и скрип покрышек, затем опять рывок. Сзади вроде бы загрохотало – полиция врезалась в ящики? Не уверен, что они их задержат, но вдруг... Они были тяжелыми, не знаю, что там внутри.

Иан опять свернул налево на следующем перекрестке. Переулок оказался недлинным и заканчивался тупиком. Мы едва успели остановиться в полуметре от кирпичного брандмауэра.

– Дерьмо! Сраное дерьмо! – выругался Иан.

– Гаси фары!

Два раза повторять не пришлось, Иан заглушил мотор и погасил свет. На нас навалилась темнота.

– Что теперь?

– Ждем.

Звук сирены приблизился, и мимо въезда в переулок пронеслась полицейская машина. Повезло. Если они знают район, то наверняка решили, что в тупик мы не сунемся. А мы сунулись. По дурости. Но повезло.

– Давай обратно к «Нью-Луп», и поедem через американский. Там нас меньше всего

ждать будут. А таких машин в городе навалом.

Через полчаса мы были уже в доках. В итальянском районе, разумеется. Даже не в самих доках, а на темном захламленном всяким мусором пустыре за ними, почти на самом берегу Нила. Машина остановилась, не выключая двигателя и фар, мы вытащили из салона Милланда и поволокли в темноту. Не надо ему и сейчас наши лица разглядывать. Каблуки его ботинок скребли по сухой земле. Чтобы ему было на что посмотреть, я сунул ему под нос револьвер. Пусть в дуло заглядывает, оно ему покажется сейчас самой главной вещью во Вселенной.

– Не убивайте! – заголосил он. – Я не знаю ни про какие деньги! Вы меня с кем-то спутали!

– Ты Милланд? – спросил я, стараясь не терять акцента. – Ну?

– Да... – тут он еще и растерялся заодно. – У меня есть свои деньги, я не делаю долгов. Пожалуйста, отпустите меня, я заплачу.

– Кто продает тебе дерьмо, fanook, а? Говори! – Я взвел курок револьвера.

– О чем вы? – взмолился Милланд. – Какое дерьмо? Я актер, я ничего не знаю про ваш бизнес, джентльмены!

– Все ты знаешь. – Я пнул его ногой сам не понял куда, не слишком сильно. – Героин кто тебе продает, а? Считаю до трех. Раз...

– Эйб продает! – закричал он, закрыв лицо руками. – Эйб!

На его светлых брюках быстро расплывалось темное пятно. Запахло неприятно.

– Что за сраный Эйб? – Я снова его пнул. – Что за Эйб, fanook?

– Монро! Эйб Монро, агент!

– Что за агент, мать твою? – спросил я, но пнул Милланда уже Рауль. – Какой агент?

– Театральный агент! Он продает! Не только мне, многим!

– У кого он берет дерьмо, а? – Я кивнул, и Рауль снова пнул актера.

– Откуда я знаю? Знаю только, что у него всегда есть. Ему звонишь, и он привозит. Или сам, или его помощник, Тимми.

– Как выглядит Тимми?

– Совсем молодой, выглядит еще моложе, высокий, худой, блондин, волосы только сверху длинные. Всегда в кепке, никогда не видел его в шляпе. Так набок носит кепку.

– Куда ты ему звонишь, этому Монро? Домой?

– Да, домой. А днем в контору. Представляешься и говоришь, сколько нужно. Только надо говорить не «грамм», а «штук», вот и все. И дальше договариваетесь, где и во сколько.

– Как быстро он привозит?

– Не больше чем за час. А иногда и за полчаса. Только берет в два раза больше, чем в черных клубах, за сервис.

Быстро. А это означает, что Монро держит запас и дома, и в конторе. Может быть, не прямо дома и в конторе, но где-то совсем близко.

– Давай его телефоны. Пиши, – я убрал револьвер в кобуру, вытащил заранее припасенные блокнот и карандаш и протянул Милланду. – Ты был у него дома?

– Нет, – замотал тот головой. – Но знаю, где он живет. У него апартаменты на Бостон-драйв, в американском секторе. Большой розовый дом с витражами, напротив отеля «Пенсильвания Инн». Номер не знаю и саму квартиру не знаю, но точно там.

Хорошо, Сингер сможет по номеру узнать квартиру, это не проблема, нужные связи у

него есть. А контору и так знаем, Сол все сказал.

– Сегодня ты покупал?

– Да, пять грамм. – Милланд вдруг захлюпал носом. – Он мне сам привез, в «Белль-Эйр», это ресторан на Сорок Седьмой.

Пять грамм, двойная цена... пятнадцать шиллингов мелкий опт, розница и вовсе по фунту за грамм, да еще и в два раза... Милланд заплатил Монро десятку, то есть тот заработал как минимум... да почти семь фунтов. Неплохо. Тридцать четыре доллара практически. Интересно, сколько он продает в день?

– Кто тебя с ним свел? Откуда ты узнал, что он торгует?

– Один парень из «Коттон-клаба», он там уже не работает. Лирой его звали.

– Черный?

– Да, черный. Он торговал. Не знаю, где он сейчас.

– Как Монро узнает, что это ты звонишь?

– Он меня по голосу узнает. А так может спросить, где встречались в прошлый раз. Если сказать слово «героин», то он может бросить трубку, – Милланд что-то совсем расклеился и уже почти рыдал.

– У тебя носовой платок есть?

– Что?

– Носовой платок у тебя есть, fanook? Носовой платок, carish?

– Есть... – Он почему-то совсем испугался упоминания носового платка и зарыдал.

– Тогда вытри сопли и вали отсюда, – объявил я. – Мокрые штаны прикрой пиджаком. Можешь сказать, что тебя с кем-то перепутали, чтобы не всплыло то, что ты дерьмовый наркоман. Если пойдешь прямо, то выйдешь в Маленькую Италию, там вызовешь такси. Stu cazzu, raesani, – вспомнил я еще немного из нужного лексикона. – Пошли!

Мы быстро загрузились в машину, развернулись с пылью и пробуксовкой колес и уехали.

Машину все же не бросили. Высадили Рауля, затем загнали на склад, на котором Иан ее и прятал, а там сменили номера. Может, и пригодится еще. Марка не слишком редкая, цвет распространенный, так что пусть постоит. Не закончили мы еще со своим делом. Дошли пешком до гаража, попутно с уличного телефона позвонив Сингеру и сообщив о результатах, а оттуда Иан добросил меня до «дилершипа», где я пересел в «Додж». Посмотрел на часы – Сюзет еще работает. Домой рано, пожалуй.

– По стаканчику? – поняв мое затруднение, спросил Иан.

– Давай, – махнул я рукой. – В «Антилопу»? – назвал я бар неподалеку.

– Дерьмовое место, небось, – усомнился Иан.

– Приличное. В твой паб я точно сейчас не поеду. Да и закрылись там уже.

– Свяжешься с тобой... – вздохнул он. – Показывай дорогу, я следом тогда.

– Тут пешком дойти проще.

– Нет, устал, пешком не пойду.

– Поехали, как скажешь, – не стал я спорить.

До «Антилопы» и вправду было рукой подать, всего квартал. У входа стояло несколько машин, за окнами видны были люди. Тут еще не расходятся. Встали один за другим, зашли в бар, декорированный в африканско-охотничьем стиле – фото, картины, головы антилоп на стенах, над баром скрещенные аркой фальшивые слоновьи бивни невероятного размера.

– Что будешь пить? – спросил я, когда мы оказались перед барменом. Тут именно

бармены, не бартендеры.

– Какой у вас хороший скотч? – с явным сомнением в его наличии спросил Иан у блондинистого толстяка за стойкой, причем акцент у него резко усилился.

– У нас бурбон хороший, – хмыкнул тот. – Могу «Грантс» предложить. – Он взял бутылку со стойки.

– Пусть «Грантс». – Иан вздохнул так, словно ему предложили самый мерзкий из бурбонов, хотя я точно знаю, что именно «Грантс» он покупает для домашнего употребления.

Бармен наполнил стакан для Иана, затем вопросительно посмотрел на меня.

– Джи-энд-Ти, по-испански, в бокале.

Тот кивнул и быстро соорудил коктейль для меня. Я заплатил с чаевыми, и мы пошли за столик.

– На кой черт ты оставил чаевые? – Иан был в настроении бурчать. – В пабах бартендерам не оставляют.

– Так мы и не в пабе, верно? – возразил я. – Присаживайся.

Иан покорился судьбе. Затем, усевшись, все же решил вернуться к важному:

– Что дальше делаем?

– Наблюдаем, я думаю. И надо квартиру Монро найти. Если он продает много и возит сам, то часто уходит. Можно подкинуть товар в машину, например, и стукнуть копперам, или заложить дома. Или в конторе.

– Мне интересно, он такой своей торговлей ни у кого кусок не отобрал? – Иан с задумчивым видом отпил виски.

– Если только у черных из клубов.

– Черные тоже могут взять сраное ружье и пристрелить этого придурка, если узнают.

– Не знаю, не уверен. Он все же на их территорию не лезет.

Не то чтобы мне Монро будет жалко, скорей даже наоборот, но вот выводить все это на чье-то убийство мне не хочется. Лучше пусть его запрут надолго по закону. Да и Сол ясно дал понять, что такой грех на душу брать не желает.

– Может, и так, но я бы попросил Сингера разузнать, раз он в курсе всего дерьма в городе.

– Пусть лучше найдет нужных копперов, которые не против хлопнуть такого торговца.

– Ладно, вы все придумали, вы и дальше соображайте. – Иан кивнул. – Учитывай только, что Рауль уезжает, нас двое останется.

– Раньше же справлялись.

– Сейчас тоже справимся, просто учитывай, что скоро будем коротки на человека.

– Учитываю. Я все же не настолько тупой, как ты обо мне думаешь.

– Ты даже не знаешь, что я о тебе думаю. Просто вслух не говорю. Кстати, а вообще-то смешно сегодня получилось. Что ты орал той леди?

– Сам толком не знаю, просто слышал. Но ей точно не понравилось. И ты уверен, что она леди? Все же это бордель.

– Никогда нельзя перебрать со сраной вежливостью, тебе пора бы это выучить, – заметил он наставительно. – А если бы она не промахнулась?

– Зато запомнят как ребят из Маленькой Италии. Уж она точно.

– Она поняла, ты думаешь?

– А с чего она так заорала, да еще и пальнула? Точно поняла. Туда к ним всякие ходят, как я думаю.

– Кстати, ты сказал, что Сингер нашел покупателя на сраные китайские бумаги, верно?

– Да, – кивнул я.

– Через китайский бордель?

Я задумался, затем медленно кивнул.

– Так и есть. Ты думаешь?..

– Ничего нельзя исключать, верно?

– Хм... верно. Черт. Но не думаю, что нас там узнают. Только одеться надо вообще по-другому. Но могут и узнать.

– Могут. – Он хмыкнул. – Это будет дерьмовая неприятность.

– Не узнают, – отмахнулся я. – Люди редко помнят лица, если такая кутерьма. Я на тебя в машине смотрел, вообще лица видно не было. А потом ты фонарь грохнул.

– Будем надеяться. Может, это и вовсе другой сраный бордель.

– Может. Кстати, бордели не существуют сами по себе. А кто опекает этот?

Бордель без связи с «аутфитом» – нонсенс. Если он не во французском или австрийском секторе. Но сектор как раз американский, то есть существует место полулегально, а в таком случае его кто-то должен «защищать». И кто это может быть?

– Чертовы ирландцы. Раз этот Кил, или как там его, всех знает, то точно они.

– Да, скорей всего.

– У чинков кишок не хватит держать это под собой, место для европейцев. И кусок такой жирный, что тех же евреев оттуда спихнули бы или они платили бы кому-то еще сраный «виг»^[10].

– Да, логично. Я просто прикидываю, кто именно собирается купить облигации.

– Мики, кто же еще? – Иан даже удивился вопросу. – Спихнут их фениям, а те пустят в оборот на «старой родине». Никто не раскопает все это дерьмо. А кто еще будет устраивать встречу на чужой делянке?

Вечерние газеты четверга сообщали о стрельбе у «Шанхайской Лилии» и похищении актера Милланда наперегонки. Теорий случившегося было множество, но абсолютно все статьи сходились в одном: напали или гангстеры из Маленькой Италии, или корсиканцы, а Милланда увезли по ошибке, перепутав с кем-то другим. Сам актер выглядел в этих историях почти героем, а его рассказ о том, как он встретил лицом к лицу смертельную угрозу, должен был выжать слезы из любой романтической дамы в этом городе. Мы ему даже с карьерой помогли, наверное. Ну, мне так кажется.

Правда, не совсем хорошо разъяснялось, как же знаменитость оказалась у входа в бордель, так как назначение клуба было описано довольно хорошо почти в каждой газете, но это уже не мои проблемы, пожалуй. Насколько я знаю газетчиков, они через день-другой об этом обязательно вспомнят.

Уильям тоже попал в газеты, правда, сам комментировать произошедшее отказался. Интересно, встречается ли он еще с Жанин, а если встречается, то как она к этому отнеслась. Я так понимаю, что его фамилию Милланд не называл, кто-то другой сообщил газетчикам. Кто-то из персонала «Шанхайской Лилии» заработал лишние десять фунтов, или сколько там обычно платят в таких случаях. А вот третий из компании так и остался неизвестным. Видать, к списку постоянных клиентов не принадлежал, вот и не узнал его никто. Мне даже самому интересно стало, кто там был с ними. Но все же не настолько интересно, чтобы потерять аппетит и сон.

Как бы то ни было, мы вечером отправились последить за Эйбом Монро. На двух машинах, Иан с Раулем на одной и я на другой. Надо понять, как именно он делит роли с этим таинственным Тимми. Ездят ли они с заказами одновременно или кто-то остается на месте?

Сингер дал номер квартиры Монро, марку и номер машины, а заодно сообщил, что уже договорился с кем-то в полиции. Так что прихватить того на горячем, особенно если он не будет знать, что это самое «горячее» имеется, проблемы не составит. В теории. На практике, как всем известно, по-разному бывает.

[Купить полную версию книги](#)

Транкбак (trunkback) – трехобъемный кузов с багажником, они как раз появились у всех производителей во второй половине 30-х годов.

Куид (*quid*) – жаргонное название фунта стерлингов.

Мик (Mick) – несколько оскорбительное прозвище ирландцев. Происхождение точно не известно. Есть теория, что кличка пошла от фамилий, начинающихся на Мак (McFlannagan, например), а некоторые утверждают, что это обозначает пьяную икоту. Слово пошло из Ольстера, где так ирландцы-протестанты звали ирландцев-католиков.

У Фернана Леже не было скульптуры «Восход», но он и не работал в Новом Каире в силу отсутствия Нового Каира в нашей реальности. Так что я решил, что пусть у него и такая скульптура будет. *(Примеч. автора.)*

Cornuto – рогоносец (*американо-итальянский сленг*).

Ғапоок – гомосексуалист (от *finocchio*) (*американо-итальянский сленг*).

Gidrul – придурок, недоумок (*американо-итальянский сленг*).

Capish (*американо-итальянский сленг*) – Ты понял? (от capisco).

Vaffangul, schifosa! – ... тебя в задницу, страхолюдина! (*американо-итальянский диалект*).

«Виг» (Vig) – чья-то доля.